

Елена Паленова

Я сновидящая

16+

Елена Паленова
Я сновидящая
Серия «Сверхъестественное», книга 4

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66276876

SelfPub; 2022

ISBN 978-5-532-94735-1

Аннотация

Потеряв маленькую дочку в автокатастрофе, Вероника продолжала верить, что её Кариша жива, даже тогда, когда девочку официально признали погибшей. Долгих четыре года Ника вопреки всему и всем продолжала искать малышку и использовала для этого все свои возможности, кроме последней – наследственного дара видеть чужие воспоминания через сны. Этот опасный дар она всегда считала уродством, мешающим нормально жить, но теперь надежда осталась только на него и на тех, кто поможет разобраться в странных способностях, чтобы их можно было обернуть на пользу.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	22
Глава 4	33
Глава 5	44
Глава 6	52
Глава 7	65
Глава 8	76
Глава 9	91
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Елена Паленова

Я сновидящая

Пролог

Дневник Вероники, 15 мая 2014 года

Говорят, что от душевных ран существует только одно лекарство – время. Я тоже раньше так говорила. Я верила в это, пока не поняла, что не всякую рану возможно исцелить.

Сегодня День Рождения моей дочери. Моего солнышка, моего ласкового котёнка, моей милой маленькой девочки. Ей исполнилось семь. Совсем большая... А я даже не знаю, что купить ей в подарок. Если бы Каринка была рядом, я бы спросила у неё, что она хочет, но её нет.

Мать говорит, что я должна отпустить это. Похоронить, забыть и жить дальше. Но разве можно хоронить человека, если ты уверен, что он жив? Да, суд давно уже признал мою дочку умершей, потому что с момента той жуткой аварии прошло целых четыре года, но я знаю, что моя девочка жива. Я чувствую это. И я её найду.

Не будет никаких похорон, пустой могилы, поминок и отпеваний. Я не допущу этого. Это не рана, которую можно

исцелить временем, молитвами и хорошими воспоминаниями. Это зияющая пустотой дыра в материнском сердце. Её нельзя исцелить другим способом, кроме как вернув отнятое.

Полиция, частные детективы, журналисты, волонтёры – я благодарна им. И я понимаю их отказ продолжать поиски, потому что сама понятия не имею, как теперь выглядит моя девочка.

Остался только один путь. Не думала, что ступлю на него, потому что никогда в это не верила, но у меня не осталось выбора. Ведь не зря же высшие силы наградили меня при рождении странным, нежеланным даром. Наверное, пришло время понять, для чего он, и как может мне помочь.

Каринка, доченька моя! С Днём Рождения, солнышко! Я найду тебя, слышишь? Потерпи ещё немного, милая. Мама скоро будет рядом. А иначе... Иначе ничто в этом мире не имеет смысла.

Глава 1

Солнечный свет лился в окно, отбрасывая на светлый линолеум ажурную тень от тонкого тюля. Нежно-голубые обои с блёстками, весело щебечущие канарейки в просторной клетке у окна, стильная мебель из тёмного дерева и роскошный гибискус в деревянной кадке, чуть ли не на треть комнаты раскинувший свои ветви с крупными махровыми цветками... Одного взгляда на обстановку было достаточно, чтобы понять – она пришла не по адресу. Сама ошиблась, наскоро царапая в своём дневнике номер дома и квартиры, или Валька что-то напутала, но в том, что потратила время на поездку зря, Вероника почему-то не сомневалась.

Последние два месяца она только и делала, что наносила визиты гадалкам и ворожеям по объявлениям и рекомендациям знакомых. Мать сначала громко протестовала, потом начала приглашать на чай психологов, но в итоге сдалась и махнула на всё рукой – каждый человек сходит с ума по-своему. Нравится дочери тратить на шарлатанов компенсацию, полученную за несчастный случай – пусть развлекается. Лишь бы не сидела с пустыми глазами перед фотографией своей малышки.

Вероника уже со счёту сбилась, в скольких домах и квартирах успела побывать за это время. Карты Таро и простые игральные, пучки трав и тибетские колокольчики, стеклян-

ные шары и иконы, Библии старых и новых изданий и толстые книги с заговорами, свечи, загадочные лица – всё это смешалось в бесконечную череду бессмысленных советов и действий, не приносящих никакого результата. Руководствуясь здравым смыслом, Вероника выполняла далеко не все рекомендации, а только те, которые казались ей более-менее... Хотя нет. Они все были странными.

Например, неделю назад мать застала её посреди ночи стоящей с закрытыми глазами на табуретке. Ритуальной одеждой должна была быть длинная, чисто белая, не синтетическая сорочка, и Вероника сбилась с ног, бегая по рынку в поисках того, что нужно. В итоге она приобрела бесформенную хламиду, рассчитанную на крупных женщин, которая в идеале по длине должна была бы быть до пола, но, учитывая рост владелицы, оказалась гораздо длиннее, чем нужно.

Ритуал был простой – начисто вымыть тело и волосы, надеть новую сорочку, залезть на табуретку, задрать голову кверху, закрыть глаза и мысленно связать своё энергетическое поле с Космосом. Через какое-то время из Космоса должен был прийти ответ на интересующий вопрос, но пришла близорукая мать из соседней комнаты и решила, что её несчастная дочь с горя наложила на себя руки.

После этого Вероника зареклась заниматься глупостями, в действенность которых, к тому же, не особо-то и верила. Да она бы и не начала следовать нелепым советам, если бы случайно подвернувшаяся под руку цыганка на улице не ска-

зала, что дорога выбрана верно, а в конце дороги её ждёт то, что она ищет. Больше женщина не сказала ничего, но и этих слов хватило, чтобы окончательно уверовать в правильность принятого решения и взяться за поиски ответов с утроенной силой.

Женщину, к которой Вероника приехала сегодня, звали Юлией. Ни фамилии, ни отчества – просто Юлия и всё. Валька, школьная подруга, нашла её через родственников каких-то знакомых и даже не была уверена, что Юлия вообще занимается чем-то подобным. Когда-то давно она каким-то сверхъестественным способом кому-то помогла, и этим исчерпывалась информация о хозяйке квартиры, в которой теперь Вероника томила в ожидании непонятно чего.

Здесь не было ни одного предмета, который хоть как-нибудь намекал бы на магию. Разве что блестящая фигурка Хотэя за стеклянными дверцами шкафа и белоснежный ловец снов с крупными деревянными бусинами на стене над диваном, но такого добра где угодно можно было встретить и в гораздо большем количестве.

Сама Юлия тоже не слишком походила на ведьму или хотя бы гадалку. Крупная брюнетка лет пятидесяти с весёлыми карими глазами, грубоватым басом и гладким, круглым лицом, она чем-то напоминала дородную крестьянку из старых фильмов. Короткие бриджи и сиреневая футболка с мультишным принтом и вовсе сводили на нет робкую надежду на то, что здесь Вероника получит какую-то помощь. Ну не оде-

ваются так уважающие себя колдуньи... А эта ещё и краску с волос смывать отправилась, когда к ней незнакомый человек в дом пожаловал.

— Не знаю, что там вам про меня наговорили, но я никаким колдовством не занимаюсь даже близко, — наматывая полотенце на голову, наконец подытожила Юлия то, что и так уже было очевидно. — У деда моего был дар, да. Он руками людей лечил, а я ничего такого не умею. Хотите компота холодного? Жара зверская, давно такой не было.

— Нет, спасибо, — вежливо отказалась Вероника, жалея о зря потраченном времени. — Вы уж извините, что я вот так, без предупреждения явилась. Просто телефона вашего мне не дали, а то я бы позвонила заранее.

— Да ладно, — отмахнулась женщина. — Я уже привыкла к гостям незванным. А телефон у меня всё равно не работает, я его на днях в кастрюлю с супом уронила... А я ведь вас знаю. Вы Вероника Фадеева, да? Про вас недавно передача была по телевизору. Там ещё дядька такой неприятный с бородкой козлиной вещал что-то про родительские обязанности...

— Это мой свёкор, — тяжело вздохнула Вероника, вставая с дивана с намерением уйти. — Компенсацию транспортная компания мне выплатила, а муж мой бывший ни копейки не получил, вот и трезвонят во все СМИ, что Каринка по моей вине погибла. Я, мол, плохая мать, должна была следить за ребёнком. Интересно, куда ещё больше следить, если она тогда у меня на руках сидела? Ладно, пойду я. Извините ещё

раз за беспокойство.

– Подождите, – Юлия поймала девушку за руку и усадила обратно на диван, а сама подошла к шкафу и принялась рыться в одном из выдвижных ящиков, перебирая какие-то бумаги. – Город у нас хоть и большой, но всё одно деревня. О вашей беде разве что слепоглухонемые не знают, как и о том, что вы до сих пор продолжаете дочку искать. Слухи такие ходят, хочу я вам сказать... Да вы и сами, наверное, в курсе.

– Что меня в сумасшедшие записали? – усмехнулась девушка. – Знаю, конечно. Меня и собственная мать уже за нормальную не считает, но мне, если честно, плевать.

– Ну и правильно... Вот, нашла! Возьмите.

Женщина протянула Веронике клочок тетрадного листа в клеточку, на котором было написано имя Егор, адрес и номер телефона.

– Что это?

– Это контакты человека, который может вам помочь. Я сама-то с точки зрения колдовства-ведьмовства бесполезная, но кое-какие связи имеются, – улыбнулась Юлия. – Много лет назад помогла по доброй душе этому человеку, а он и меня потом отблагодарил в ответ. Если бы не он, меня бы сейчас и в живых-то не было. Адрес просил не давать никому без крайней надобности, но у вас, по-моему, как раз крайний случай.

– М-м-м... – понимающе протянула Вероника. – Наверное, у кого-то ещё был крайний случай, раз мне к вам обра-

титься посоветовали. Спасибо большое.

– Я этот адресок только один раз постороннему человеку давала. У парня одного беда была большая, влез куда не следует. Дед этот еле вытащил его. А теперь вот вам даю. Благодарности не надо, лишь бы не зря. Только вы себе перепишите куда-нибудь, а листочек этот мне оставьте. Авось, пригодится ещё когда-нибудь. И денег не предлагайте ему, а то выгонит. Он с характером.

Вероника вытащила из сумки свой дневник, в котором практически все страницы, кроме нескольких первых, были исписаны перечёркнутыми адресами и номерами телефонов. Пока она переписывала информацию с листочка, склонившись над тетрадкой, Юлия с интересом разглядывала крошечное родимое пятнышко на шее своей гостьи.

– Почему вы так на меня смотрите? – Вероника перехватила её взгляд и нахмурилась.

– Эта отметина у вас возле ключицы... Давно она появилась?

– С самого рождения, – пожала плечами девушка. – Это монголоидное пятно. В детстве оно больше было, а с возрастом всё меньше становится. Уже вообще почти ничего не осталось от него. А что?

– Я просто видела уже похожее. У деда своего. Он говорил, что это метка древних Богов. Так они отмечали тех, у кого есть какой-то дар. Ай, забудьте, – Юлия махнула рукой, будто отгоняя назойливую муху. – Ерунда.

– Да нет, не ерунда, – Вероника странно посмотрела на хозяйку квартиры и убрала дневник с новым адресом обратно в сумку. – У меня и правда есть дар, и я уверена, что он должен помочь мне найти дочку. Правда, пока не знаю, как.

– Надо же... – женщина присела на край дивана и с нескрываемым любопытством уставилась на гостью. – А что за дар такой, если не секрет?

– Я сновидящая, – с улыбкой ответила Вероника. – Точнее, я вижу чужие сны.

Глава 2

До двенадцати лет Вероника даже не подозревала, что у неё есть какие-то необычные способности. Все видят сны – с сюжетом или сумбурные, добрые или кошмарные. Разные. Ей снились родители, старший брат и иногда соседи. Ведь это нормально, когда ты видишь во сне людей, с которыми постоянно встречаешься дома или на улице. Никаких чудовищ, полётов и всего остального, чего по-настоящему не бывает – это тоже нормально. Никому даже в голову не приходило, что с девочкой что-то не так.

Погладив указательным пальцем небольшую горбинку на носу, оставшуюся после старого перелома, Вероника посмотрела на себя в зеркало – да уж, кошмарное зрелище... Сойдёт. Не на конкурс красавиц ведь собирается, а в какую-то Тьмутаракань к совершенно незнакомому человеку, которому наверняка совершенно всё равно, как выглядит его гостя. Не мешало бы подстричься и подкраситься, потому что жидкие волосы мышиного цвета, собранные в тощий хвостик, никогда не придавали ей привлекательности, но на это не было ни времени, ни желания. И большие серые глаза на сильно похудевшем лице смотрятся дико и даже несколько безумно, но это тоже поправимо. Потом. Всё потом. Вот когда найдётся Кариша, тогда и будут парикмахерские, маникюр, магазины... А пока не до этого.

Девушка ещё раз проверила, на месте ли документы и билеты, чмокнула в щёку расстроенную мать и выскочила за дверь, не дожидаясь очередной порции уговоров и увещеваний. Хватит. Она и так весь прошлый вечер и всё утро слушала нотации и просьбы никуда не ехать. Маму можно было понять – она волнуется, но ведь кто-то должен понять и её тоже. Если есть хотя бы мизерный, пусть даже призрачный шанс найти пропавшую Каринку, то почему Вероника не может его использовать? Почему она должна сесть, сложить руки и смириться? Дудки! Пусть другие сидят, а она будет действовать!

Такси в считанные минуты домчало пассажирку до железнодорожного вокзала. Автобусом было бы быстрее и дешевле, но после случившегося четыре года назад кошмара Вероника и в маршрутки-то боялась садиться. Четырнадцать часов в автобусе, да ещё и ночью... Нет уж, лучше поезд, потом электричка, а потом такси, сколько бы оно ни стоило в том захолустье, куда девушка держала путь.

* * *

Главное – не спать. Плохо, конечно, что поезд прибывает на нужную станцию в шестом часу утра, зато билеты в последнее купе спального вагона оказались в наличии, и это не могло не радовать. Даже если уставший организм решит взять своё, поблизости будет не так уж много посторонних людей с их снами. А то, что в купе она оказалась одна – это

вообще замечательно.

Вероника закинула дорожную сумку под сиденье, устроилась у окна и снова привычным жестом потёрла горбинку на носу, служившую постоянным напоминанием о том, что в чужие сны лучше не заглядывать. По сути, она даже не поняла тогда, за что получила по носу.

Это случилось в летнем спортивном лагере, когда Веронике было двенадцать. У девочек в отряде начали пропадать вещи из тумбочек, а ей однажды ночью приснилось, что это она крадёт. Даже страх во сне испытывала, что кто-нибудь её увидит. Как обычно, сон состоял из мешанины коротких обрывков, но именно этот момент ей запомнился, потому что девочка никогда в жизни не брала ничего чужого. А ещё она помнила большой коричневый чемодан, куда положила украденную косметичку. Старый такой чемодан, кожаный... Какой был у Ксюхи из их отряда. А как-то вечером, когда девчонки завели перед сном традиционную болтовню с жуткими историями, она ляпнула, что видит вещие сны: «Приснилось мне, что вещи украденные в чемодане коричневого спрятаны...»

Девчонки сразу сообразили, о каком чемодане речь, потому что такого старья больше ни у кого не было. Наутро хотели заставить Ксюху показать вещи, а она упёрлась – мол, в свои сумки смотрите, нечего по чужим рыскать. Вероника пыталась остановить подружек, объясняла, что это всего лишь сон, что всё это неправда, но те пошли к вожатым со-

общить о своих подозрениях. Вожатые в компании начальника лагеря попросили Ксюху открыть чемодан и доказать всем, что она честная девочка, а там...

Вероника даже не успела понять, что произошло – только что она стояла и удивлённо смотрела на украденные вещи, а в следующий момент Ксюха подскочила к ней и врезала по носу с такой силой, что сломала его. Да ещё и заявила, что это Вероника воровка, а её специально подставила, чтоб от себя наказание отвести.

Из лагеря их тогда обоих выгнали. Веронику в больницу отвезли, а оттуда её уже мать забрала. Стыд и позор! Дочь воровка! И ведь не докажешь обратное – откуда она могла знать, где ворованное, если не сама его туда положила? А про сон мать даже слушать не стала.

После этого Вероника зареклась кому-либо о своих снах рассказывать. Вещие они или нет – чёрт с ними! Пыталась не думать об этом, но начала подмечать, что сны у неё и правда странные. Мама приходит с работы расстроенная, а девочке снится незнакомый дядька, который угрожает, что уволит её. Брат старший по вечерам на секцию ходит, а ей снится, что он с парнями в каком-то гараже пиво пьёт. Как-то раз даже проследила за ним тайком – и правда в гаражи пошёл, а не в спортзал. Много было странного, очень много. И рассказать никому нельзя, потому что за дурочку примут.

Именно тогда Вероника начала вести дневник. Обычно люди записывают в дневники свои мысли, а она перечисляла

короткие обрывки из своих снов.

«В деревне у бабушки была белая собака с кличкой Айка. Папа нарвал для мамы букет сирени в палисаднике у соседнего дома.

Витька спрятал сто рублей в серую книжку А. Дюма...»

Не всё из того, что она записывала, можно было проверить, но большинство записей всё же в итоге оказывались вычеркнутыми – Вероника зачёркивала их, получая подтверждение, что конкретное событие из её снов имело место в реальности. Ей снилось не будущее, а прошлое. Клочками, обрывками, спутанно и не всегда понятно. Свои и чужие воспоминания переплетались, создавая причудливые сюжеты сновидений, но годам к пятнадцати она научилась выделять чужое из своего.

Для неё это всегда было игрой. Секретом, которым она ни с кем не делилась. Нельзя совать нос в чужие тайны, потому что этот самый нос в итоге может очень сильно пострадать – уж это-то Вероника знала точно. А ещё она считала это уродством, которое надо прятать от посторонних глаз, притворяясь, что ты такая же, как все.

Научившись чуть-чуть разбираться в хитросплетении своих сновидений, она поняла, что мать врёт ей и Витьке – отец бросил их не потому, что козёл. Он вообще их не бросал, мама сама его выгнала. У неё был роман на стороне, а не у него. Но Вероника не стала выяснять, правда это или нет. Мать сама подняла двоих детей и заслуживала уважения, что

бы там, в прошлом, ни приключилось. А отец... А что отец? Он хоть раз попытался навестить дочку с сыном? Нет. Алименты платил, но на этом его отцовская забота и заканчивалась. А ведь какая у них с мамой раньше была любовь...

Странный и бестолковый дар больше вредил, чем помогал жить. У человека должны быть свои маленькие секреты, но Веронике все они были открыты. Она всегда заранее знала о сюрпризах, которые готовят для неё мама и старший брат, но это было меньшее из зол. В снах ей порой открывались такие неприглядные стороны жизни близких ей людей, что даже думать об этом не хотелось.

Из-за этого дара или проклятия Вероника больше никогда не ездила в лагерь или в санаторий. Убегала из больницы, потому что не могла нормально спать там, где чужие сны буквально лезли в её голову, заставляя переживать то, что её даже не касалось.

С парнями тоже отношения как-то не складывались, пока она не познакомилась с Серёжей. Она его даже не любила, просто решила для себя, что патологическая честность мужа станет крепкой основой для их брака. Он никогда её не обманывал. Из его снов Вероника знала, что родители супруга против свадьбы, что они постоянно ругают его, считая выбор сына не достойным их семьи, но он имел твёрдое намерение жениться. Они расписались, у них родилась Каринка. А потом Сергей сдался.

Вероника до сих пор не могла понять, почему муж не

встал на её защиту, а пошёл на поводу у своих родителей. Они вбили ему в голову, что это она виновата в смерти дочери, а он слушал их, развесив уши, и повторял их слова. Вместо поддержки – обвинения. Вместо активного участия в поисках дочери – развод. Обидные, горькие слова звучали не только вслух, но и в его снах, многократно повторяемые свёкром и свекровью. Это было невыносимо. Чувство вины и так давило на Веронику неподъёмным грузом, да ещё муж регулярно сыпал соль на незаживающую рану. И сны... В итоге она собрала вещи и перебралась жить к матери, отказавшись при разводе от всех имущественных претензий к супругу.

Но именно этот нелепый дар придавал смысл её жизни после аварии. Когда автобус перевернулся, Вероника сильно ударилась головой и сломала ключицу, из-за чего оказалась на больничной койке. В одной палате с ней с переломом ноги лежала женщина, пострадавшая тогда же. Её сны были одним непрекращающимся кошмаром, в котором раз за разом мир кувыркался, кричал испуганными голосами, рыдал... Вероника уже собиралась написать отказ от госпитализации, потому что невыносимо было постоянно переживать весь этот ужас, но в одном из снов впечатлительной соседки вдруг увидела короткое воспоминание не о самой аварии, а о том, что было после неё – ночь, дождь, огни «скорой помощи», голоса спасателей, уговаривающих успокоиться и не двигаться, лежащий на боку в кювете автобус и плачущая

маленькая девочка в джинсовом комбинезоне, которую держит на руках один из спасателей. Каринка!

Из-за одного этого клочка чужих воспоминаний Вероника осталась в больнице в надежде увидеть больше, но даже этот маленький кусочек так и не повторился. Позже ей сообщили, что все участвовавшие в спасательной операции сотрудники были опрошены, но никто из них не видел девочку. Соседка по палате тоже не помнила ничего такого, хотя её сон говорил об обратном. Пассажиры и водитель подтверждали, что мать с ребёнком была в автобусе, но потом малышка просто исчезла. А со временем её вообще перестали искать.

Веронику уже тогда считали спятившей. С ней даже работал психолог, специализирующийся на жертвах катастроф. К счастью, она вовремя поняла, что если будет и дальше предъявлять в качестве доказательства то, что увидела во сне, то загремит в психушку. Успокоилась и заставила себя перестать паниковать. Каринка жива, её просто кто-то забрал. Кто-то, кто не хочет, чтобы его нашли. Но об этом тоже нельзя было говорить, потому что никто не поверил бы. Ну а раз никакие нормальные методы не дали результата, оставалось только попробовать ненормальные, чем она и занималась последние пару месяцев.

Нужно было начать раньше, сразу после выписки из больницы, а не ждать чего-то целых четыре года, но Вероника никогда не верила в магию, колдунов и гадания. Свой дар она считала просто уникальной особенностью, досадной ошиб-

кой где-нибудь в ДНК, портящей ей жизнь. Даже теперь, направляясь чёрт знает куда к какому-то колдуну, она не верила, что это поможет, но не могла не попробовать. Лучше сделать и убедиться, что это бесполезно, чем ничего не делать, а потом об этом жалеть. Ради дочери она уже и душу Дьяволу готова была продать, если другого выхода не останется.

Предаваясь этим невесёлым размышлениям и воспоминаниям, Вероника даже не заметила, как её сморил сон. Тёмная пустота без сновидений навалилась сверху и тут же отступила, оставив путешественницу удивлённо смотреть в окно на предрассветный туман. Она заснула сидя и без сновидений, чего уже давно не случалось. Часы показывали без пятнадцати пять, а это означало, что совсем скоро нужно будет покинуть мерно покачивающийся вагон и отправиться навстречу неизвестности.

Выскользнув в полумрак коридора, Вероника заглянула в открытую дверь соседнего купе – никого. Видимо, пассажиры сошли на одном из полустанков, и поэтому ей удалось хоть немного спокойно поспать. Вот и славно, ведь впереди ещё целый день, половину из которого точно придётся провести в пути.

Глава 3

– Девушка, куда едем? – незнакомец возник будто из ниоткуда и попытался выхватить дорожную сумку из руки Вероники.

– Отпусти, придурок! – зашипела она в ответ, наградив наглого мужика свирепым взглядом.

– Ладно, – немедленно сдался тот, бросив сумку и подняв вверх руки. – Я вообще-то таксист, а не грабитель...

– Вот и таксуй отсюда в обратном направлении.

– Дура психованная, – констатировал таксист и отошёл к группе мужчин, с интересом наблюдавших за происходящим со стоянки.

Вероника направлялась именно туда, но дружный гогот и любопытные взгляды, которые бросали на неё коллеги незадачливого водителя, отбили всё желание. Не важно, над кем они смеялись – её взбесил сам факт. Где вежливость? Где нормальная человеческая учтивость? Или вдалеке от больших городов этому не учат? Почему клиент должен чувствовать себя неловко? Вообще в этой дыре есть нормальные люди или все такие наглые и невоспитанные?

Она начала злиться ещё в электричке. Совершенно не подумала о том, что с утра дачники толпами отправляются за город, чтобы провести день с пользой и в трудах на своих огородах. Вагоны оказались битком забиты ещё на конечной,

а на ближайших нескольких станциях количество пассажиров только увеличивалось, хотя казалось, что дальше уже некуда. Поскольку расталкивать локтями толпу с целью побыстрее оказаться в вагоне и занять сидячее место Вероника как-то не привыкла, перрон она покинула в числе последних и оказалась зажатой между упитанным дядькой и щуплой старушонкой в широкополой шляпе.

Старушка всю дорогу возмущалась и пыталась куда-то протиснуться, раздражая своей шляпой не только Веронику, но и всех, кому этот писк дачной моды попадал по физиономии. Постепенно прибывающая толпа всё же внесла ворчливую пассажирку из тамбура в переполненное пространство собственно вагона, и многие вздохнули бы с облегчением, если бы в удушливой тесноте можно было вздохнуть. Вероника осталась в тамбуре, но умудрилась подобраться ближе к стене, где пинались и толкались меньше.

Где-то прищемили собаку, кому-то наступили на ногу... Пышнотелая тётка обозвала тощую Веронику коровой и приказным тоном велела «не растопыриваться». Вагон, двери из тамбура в который даже не закрывались, гудел, как улей, и от этого шума, приправленного ароматами пота и косметики, у девушки довольно скоро начала кружиться голова. Половину пути она практически не помнила, потому что изо всех сил боролась с тошнотой и пыталась не потерять сознание. Да и если бы потеряла – упасть бы не дали, потому что падать было некуда.

Жалеть о том, что не взяла такси сразу, когда сошла с поезда, было поздно. Сама виновата – знала ведь, куда и когда едет, могла бы быть предусмотрительнее. Ведь всё детство прокаталась с мамой электричками в деревню к бабушке и прекрасно понимала, что её ждёт. Ну вот как-то вылетели эти подробности из головы, что теперь? А чтобы жизнь маминой не то, что не казалась, но и не пахла, Веронику ещё и каким-то образом выпихнули из вагона за одну станцию до нужной, а втискиваться обратно сил у неё уже не было. Спасибо хоть, что сумка при ней осталась в такой давке.

А тут ещё таксист этот наглый в компании гогочущих коллег...

Злясь на весь белый свет разом и на себя саму в частности, Вероника обошла приземистое здание железнодорожной кассы и вышла на пустырь, гордо именуемый привокзальной площадью. Она никуда не торопилась и могла позволить себе немного посидеть на лавочке и отдышаться, только вот лавочек почему-то не было. Ни одной. За вокзалом, если кирпичную конуру с крошечным окошком можно было так назвать, проходила узкая полоса тротуара, а дальше была растрескавшаяся бетонка, посреди которой стоял ПАЗик, принимающий на борт шумных дачников.

Это был даже не населённый пункт – просто какой-то полустанок. Автобус и такси исчезли с него раньше, чем девушка успела сообразить, куда попала. Если верить приклеенному над окошком кассы расписанию, следующая электричка

в нужном направлении ожидалась не раньше, чем через три часа, что объясняло, почему в предыдущей было столько народа, но как-то не воодушевляло. Вдобавок кассирша одарила незадачливую путешественницу сочувствующим взглядом и сообщила, что «транспорт тута бывает тока на подвоз и увоз».

Ни ларька, где можно купить воды, ни пенька, на который можно было бы присесть... В такой глухомани Веронике бывать ещё не доводилось. И связь, как назло, в этой дыре напрочь отсутствовала.

– Девушка! – окликнула её кассирша, высунув нос из зарешеченного окна. – Поди сюда.

– Надеюсь, это будут хорошие новости... – пробормотала себе под нос Вероника и потопала к кассе. – Что?

– Тебе куда надо-то?

– В Тарасово.

– У-у-у-у... Так это ты рано вышла, на следующей надо было.

– Я не вышла, меня вынесли, – пожаловалась Вероника.

– Бывает... Это тебе теперь только следующую электричку ждать или на трассу идти, попутку ловить.

Ну вот. Выход есть всегда. Правда, до трассы нужно было шагать полтора километра вдоль посадки, но это всё равно лучше, чем торчать на жаре посреди безлюдной станции. Да и перспектива доехать до деревни на машине казалась Веронике куда более радужной, чем очередное путешествие в

электричке, пусть даже и народу в ней будет меньше. Поблагодарив добрую женщину за информацию, Вероника закинула сумку на плечо, мысленно упрекнула себя за то, что взяла в дорогу так много вещей, и пошла в указанном кассиршей направлении.

* * *

Вдоль посадки тянулась пыльная грунтовка, местами изрезанная глубокими уродливыми колеями, но по большей части заросшая травой. Понимать, что ты в незнакомой местности совершенно одна на несколько квадратных километров, было странно и немного жутковато, но девушка уверенно шагала вперёд, изредка останавливаясь в тени, чтобы перевести дух. Попросить у кассирши попить она, естественно, постеснялась и теперь буквально умирала от жажды.

Спустя почти час безуспешных попыток поймать попутку Вероника уже была не просто зла, а готова выть. Машины одна за одной проскакивали мимо – хоть посреди дороги ложись. Токая по обочине, девушка успела сто раз обругать себя за то, что ушла с перрона, что села в эту треклятую электричку, что вообще поехала в эту...

Визг тормозов раздался так неожиданно, что она с перепугу отскочила в сторону и врезалась плечом в дорожный знак, повествующий о неровностях на дороге. Это ж надо было настолько увлечённо заниматься самобичеванием, что чуть не упустила шанс продолжить путешествие на автомобиле!

– Подвезти? – без приветствия и расшаркиваний предложил хмурый дядька со сросшимися на переносице чёрными бровями.

– Спасибо. Мне в Тарасово надо, – сообщила Вероника, забравшись на заднее сиденье прохладного салона, по счастью оказавшегося с кондиционером. Подумаешь – не поздоровался. Зато довезёт быстро и без приключений.

– Полтинник с тебя. Но я в другую сторону еду. Высажу на повороте, а там или пешком пять километров по дороге, или кто ещё подвезёт.

М-да...

К дому деда Егора Вероника практически приползла. К счастью, на самом краю крошечной деревеньки с гордым названием Тарасово обнаружилась рабочая колонка с тёплой и невкусной, но всё-таки водой. Девушка напилась, умылась и немного привела себя в порядок, чтобы выглядеть не совсем бродягой, хотя, если честно, ей было уже всё равно. Хозяину, видимо, тоже было всё равно, потому что на калитке снаружи висел массивный навесной замок.

– А вы к кому? – поинтересовался мальчишка лет десяти, проезжавший мимо на велосипеде и остановившийся исключительно из любопытства.

– К деду Егору. Это ведь пятый дом?

– Пятый, – подтвердил мальчик. – Только деда Егора нет.

– А где он?

– Так помер вчера. В голове у него что-то лопнуло, упал

в огороде и всё.

Вероника привалилась спиной к дощатому забору и сползла на траву, наотрез отказываясь верить услышанному.

– А когда это случилось? – подняла она на мальчика полные слёз глаза.

– Так до обеда ещё. Жара-то вон какая, а он старый совсем был.

– Не может быть, – замотала головой девушка. – Я с ним утром вчера разговаривала по телефону.

Мальчишка пожал плечами и покатил себе дальше, оставив странную тётку сидеть на траве и переваривать очередной неприятный сюрприз этого кошмарного дня.

Она не хотела плакать, но измученный организм думал иначе, заставляя солёную влагу каплями струиться по пунцовым, успевшим обгореть на солнцепёке щекам. Ну как так-то? Почему? За что ей это всё?

К ней подходили какие-то люди, о чём-то её спрашивали, выражали сочувствие, а она всё плакала и плакала, не в силах остановиться. Какая-то женщина помогла подняться с земли и усадила на лавочку, бормоча слова утешения и поглаживая Веронику по спине.

– Тебе есть куда пойти-то? – участливо спросила она, но девушка только и смогла, что отрицательно покачать головой в ответ. – Мне-то определить тебя некуда, но есть ключ от Егорова дома, потому как я за хозяйством присматриваю, когда его нет. Пойдёшь? Не забоишься?

Вероника неопределённо кивнула и уже через пару минут вошла в опустевший, оставшийся без хозяина дом. Женщина что-то объясняла ей про удобства, про холодильник и горячую воду, но все эти слова были такими далёкими и ненужными, что девушка их даже не слушала. Оставшись одна, она скрутилась калачиком на старой пружинной кровати и втянула носом исходящий от постельного белья запах – не стирального порошка или мыла, не пота или мужской парфюмерии, а чистый и свежий аромат яблок и мяты. Это было странно, но размышлять о странностях, как и разглядывать обстановку, у Вероники не было ни сил, ни желания. Вытерев кулаками слёзы, она шмыгнула носом, обняла подушку и крепко заснула. Так крепко, как не спала уже очень и очень давно.

Ей снилось море. Шорох прибоя по мелкой разноцветной гальке. Крик чаек, летающих над пляжем в ожидании случайно оставленного отдыхающими или специально брошенного угощения. Весёлый визг детворы, удирающей от пенных бурунов. Мама в нелепом леопардовом купальнике, натирающая Витьке спину кремом от загара. Покой и умиротворение...

А потом сон вдруг изменился. Вместо шёпота прибоя – стук дождевых капель по окну. Вместо детского смеха – сердитый женский голос, требующий переписать дом на какого-то Славика. Вместо ласкового солнца – яркий свет в глаза и взволнованное лицо доктора. И храп. Раскатистый муж-

ской храп.

Широко распахнув глаза, Вероника испуганно уставилась в крошечную тьму и прислушалась. Храп доносился откуда-то сбоку, из соседней комнаты. Стараясь не шуметь, девушка тихонько сползла с кровати, прокралась на ощупь к какой-то двери и нащарила на стене кнопку выключателя. Она думала, что это входная дверь, и что свет загорится в той комнате, где она заснула, но лампочка вспыхнула в маленькой спальне, где на разложенном диване храпел здоровенный бородатый мужик.

Инстинкт самосохранения сработал мгновенно – Вероника опрометью кинулась к другой двери, за которой находилась веранда. Чёрт с ними, с вещами! Главное – удрать раньше, чем этот бугай проснётся. Обувь? Да чёрт с ней, с обувью! Как открывается эта треклятая дверь?!

– Ты чего буянишь? – раздался за спиной сиплый бас, и Вероника инстинктивно швырнула в сторону вопрошающего первое, что подвернулось под руку, продолжая ломиться в закрытую дверь.

Судя по глухому стуку, ботинок сорок последнего размера, а именно такой девушка метнула в незнакомца, угодил в деревянную стену. Сзади слышались тяжёлые шаги, и Вероника вжалась в дверь, готовясь завопить, но вдруг возле самого её носа щёлкнул ещё один выключатель, и комнату залил яркий свет.

– Ну и гости пошли... – пробасил голос прямо над голо-

вой, а ботинок шлёпнулся на пол рядом с другим таким же. — Не дурные, так буйные.

— Не трогайте меня, — прошептала Вероника, зажмурившись и едва не теряя сознание от страха.

— Больно надо было... — шаги начали удаляться. — Шибко ты нервная, Вероника Николавна. Мне Юлька про тебя иначе говорила.

— Вы кто? — ошарашенная Вероника наконец-то нашла в себе силы повернуться и удивлённо уставилась на здоровяка.

— Дед Егор, кто ж ещё-то?

Это уже не лезло ни в какие ворота.

— Как дед Егор? Мне сказали, что вы умерли вчера. От инсульта вроде...

— Тьфу ты, языки паршивые! — покачал головой мужик, присаживаясь на лавку у окна. — Уж который раз хоронят, не дождутся никак. Послал Господь соседей... Ничего я не помер. Давление у меня подскочило, а эти ужо вперёд ногами отправили... Ты бы с поезда как сошла, позвонила бы, я б встретил. Всё одно у внука ночевать остался. Уж извини, что так вышло. Народ тут языкатый дюже, никогда не знаешь, чего напридумают. Ну всё? Успокоилась?

— Что-то вы не очень на старика похожи... — подозрительно протянула Вероника, продолжая прижиматься спиной к двери.

Мужик тяжело вздохнул, встал с лавки и протопал в комнату, где недавно спал, а через пару минут вернулся и сунул

гостье под нос развёрнутый паспорт. С фотокарточки на Веронику смотрело точно такое же лицо, только борода была короче и не такая седая.

– Сорок шестой... Так вам ещё и семидесяти нет... А дверь зачем заперли? – девушка воинственно вздёрнула подбородок, почувствовав себя более уверенно.

– Так не заперта она. Внутрь открывается. Ручку до щелчка проверни и на себя...

Вероника нащупала дверную ручку, повернула и потянула на себя, сделав небольшой шаг вперёд. Петли тихонько скрипнули...

Глупее она себя ещё не чувствовала. Разве что в третьем классе, когда стояла возле доски, а в колготках лопнула резинка. С другой стороны, откуда она могла знать, что дед Егор жив, если ей сказали, что он умер? Не зная, как вести себя дальше, Вероника скривилась в подобии виноватой улыбки и тихо прошептала:

– Простите...

– За что именно? – ухмыльнулся дед Егор. – Что разбудила? Что ботинком чуть не зашибла? Или что в покойники меня записала?

– За всё.

Глава 4

Из всех странных людей, с которыми Веронике довелось пообщаться за последнее время, дед Егор оказался самым... нормальным. Он не делал загадочное лицо и в целом не изображал из себя человека, которому ведомы все секреты Вселенной. Дед как дед. И в доме у него было светло, чисто, а со стен и потолка не свисала никакая мистически-магическая бутафория, которой девушка и так уже насмотрелась предостаточно.

Единственное, что Веронику немного смущало – это внешний вид хозяина. Не великан, нет, но медведь самый натуральный. Крупный, плотный, ручищи огромные... В кино таких обычно в роли кузнецов деревенских снимают. Ну или богатырей русских. Да. За богатыря он, пожалуй, сошёл бы. По его внешности даже возраст определить невозможно было.

А ещё ей показалось странным, что колдун сам себя от гипертонии вылечить не может. По словам Юлии, он практически с того света человека вытащить мог, так почему же себя не исцелит? Это не вязалось с её представлениями о магии. С другой стороны, что она вообще знала о магии? Ну, кроме того, что большинство тех, кто её якобы практикует – шарлатаны.

Нехорошо получилось с этой её паникой... Вроде и не

обиделся хозяин, но Вероника всё равно чувствовала себя виноватой. Они сидели за столом в большой комнате уже полчаса, но как начать разговор, девушка понятия не имела. Да и привыкла уже, что ворожеи и шаманы первыми болтать начинают, а этот сидит молча и только смотрит на неё из-под кустистых бровей пронзительным взглядом. И не спрашивает ни о чём, будто ждёт, что она первой заговорит. От этого его взгляда и молчания на душе как-то гаденько становилось, неприятно.

– Ты когда ела в последний раз? – наконец подал голос дед Егор после того, как желудок Вероники решил напомнить о себе сердитым урчанием.

– Утром на вокзале пирожок покупала, – вспомнила девушка и уточнила: – С капустой.

Он ничего не сказал в ответ, только протопал через всю комнату к холодильнику и вытащил из него глубокую тарелку с холодцом. Добавив к этой скромной снеди пару кусочков чёрного хлеба, хозяин вручил Веронике ложку и приказал тоном, не терпящим возражений:

– Ешь.

Вообще-то Вероника холодец не особенно любила. Мать готовила его редко и невкусно – пустой пресный студень с редкими кусочками мяса на дне. То же самое блюдо в исполнении деда Егора выглядело куда более привлекательным – много мяса, половинка варёного яйца и даже зелень. И чесноком пахло. Маму бы от такого удар хватил, она вообще

чеснок на дух не переносила.

Вероника почувствовала себя сытой раньше, чем тарелка опустела на треть.

– Спасибо. Очень вкусно!

– Пожалуйста. Если будешь так есть, до старости не доживёшь, – сообщил дед Егор, убирая тарелку обратно в холодильник. – Я всё понимаю. Потеря ребёнка – это великое горе, но себя-то зачем в гроб загонять?

– Да я нормально питаюсь... – начала оправдываться девушка.

– У людей, которые нормально питаются, цвет лица розовый. И мясо на костях имеется, а у тебя мослы вон из-под рукавов торчат.

Возразить на это было нечего. Вероника и правда частенько за своими переживаниями и беготнёй забывала поесть. После рождения Каришки она располнела, а теперь вот... Как-то не до еды было последние четыре года. Иногда вспоминала о том, что надо перекусить, только тогда, когда голова начинала кружиться.

– Ты чего от меня ждёшь-то? Какой именно помощи? – поинтересовался дед Егор, ставя перед Вероникой на стол большую кружку с компотом, налитым из трёхлитровой банки, в которой плавали крупные вишни и какие-то ещё ягоды помельче.

– Честно? Понятия не имею, – откровенно призналась девушка. – Вы по телефону сказали, что я могу приехать, вот

я и... тут.

– Я так сказал, потому что Юлька позвонила и упростила тебя выслушать. Ну и о беде твоей она рассказала тоже. До сих пор в толк не возьму, какой от меня прок в этой истории, но раз Господь нас свёл, значит, так надобно.

– То есть... Вы не колдун?

– Ха! Вот бабы! – дед Егор стукнул кулаком по столу вроде бы не сильно, но кружка с компотом всё равно подпрыгнула, расплескав содержимое по пёстрой клеёнке. – Всё с ног на голову перевернут! Колдун... Никакой я не колдун. С нечистью не якшаюсь, с потусторонними силами дел не имею, слов заговорных не знаю. Ты где таких колдунов видала?

– Я их вообще не видала – огорчилась Вероника.

– Да ты нос-то не вешай, Ника Николавна. Будем думать, зачем я тебе пригодиться могу. Дар-то у меня есть, но не колдовской он. Тьму я внутри человека вижу и вытянуть её умею.

– И во мне видите?

– И в тебе вижу. В голове твоя тьма сидит. Чёрная, беспросветная...

– Круто... Мне нравилось думать, что у меня там мозг.

– Ёрничаешь? – усмехнулся дед Егор. – Это хорошо. Ежели у человека после трагедии такой чувство юмора не совсем пропало, то и вкус к жизни со временем вернётся.

– Знаете... А я ведь фотографию дочки привезла. Думала, что вы, как другие, станете по фотографии мне о прошлом и

будущем рассказывать. А по фотоснимку вы можете увидеть эту... ну... тьму?

– Не умею я этого, – признался дед Егор. – И не скажу, жив человек или нет.

– Жаль. Тогда я тоже не понимаю, чем вы мне помочь можете.

– А ты мне про дар свой расскажи, – предложил он. – Юлька говорила что-то про сны, но я толком ничего не понял.

– Дар... – Вероника усмехнулась и вытащила из кармана упаковку бумажных платков, чтобы вытереть лужицу компота на столе. – Это не дар, а наказание. Правда, не понимаю, за какие грехи. Вот сейчас мне снилось море. Хороший был сон, уютный, тёплый... А потом в нём какая-то тётка начала у кого-то требовать переоформить дом на какого-то Славику. Я только голос слышала, но уверена, что это не моё воспоминание, а ваше.

– Хм... – дед Егор сдвинул кустистые брови на переносице и задумчиво почесал бороду. – А ну-ка давай с самого начала рассказывай про сны эти.

– Что, прямо с детства начинать?

– Угу...

* * *

За окном уже клубился предрассветный туман, когда Вероника начала своё невесёлое повествование. Понимая, что собеседника вряд ли устроят общие фразы и короткие заме-

чания, она начала вытаскивать из своей памяти всё-всё, что только могла. И про лагерь рассказала, и про то, как позже рассталась с парнем потому, что увидела во сне, что он с другой целуется... Какие-то детали, касающиеся личной жизни посторонних, упускала, потому что нехорошо это – лезть в чужую душу. Особое внимание она уделила сну о дочери, увиденному в больнице после аварии.

Дед Егор слушал её молча, не перебивая. Иногда кивал, иногда удивлённо приподнимал правую бровь.

– Потрясающе! – восхищённо изрёк он, когда Вероника выдохнула, закончив свою двухчасовую исповедь. – Впервые вижу настолько бескорыстного человека. Ты хоть понимаешь, дурында, чего твой дар стоит?

– Если бы его можно было продать, я бы с радостью от него избавилась. Навсегда. И не обзывайтесь, пожалуйста.

– Прости, не хотел обидеть. Но ты и правда никогда, ни разу не задумалась о том, сколько денег можно заработать на чужих тайнах? Да это же золотая жила!

– Ага. И преждевременная смерть. Спасибо, но нет. Я вовремя извлекла нужный урок, – девушка потёрла горбинку на переносице и разочарованно посмотрела на хозяина. – Не думала, что такое от вас услышу. Чего-то другого ждала, но, наверное, ошиблась.

Дед Егор удивлённо моргнул, соображая, чем мог обидеть гостью. Ну правда ведь – с таким даром можно было... Да что угодно можно было, если с осторожностью к делу подхо-

дить. Правда, достанься такой дар ему, он бы тоже не стал его для собственного обогащения использовать. Не так воспитан был. И Вероника, похоже, из того же теста слеплена.

– Не знаю, что ты там себе надумала, но я имел в виду, что такие бескорыстные люди, как ты, редко встречаются, – виновато пробормотал он, смекнув, в чём дело. – Просто нынче принято извлекать выгоду из всего, что деньгами пахнет.

– Но вы же тоже не берёте оплату, когда другим помогаете, – возразила Вероника.

– Ну да, – согласился дед Егор. – Не беру. До сегодняшнего дня думал, что я один такой дурак, ан нет. Есть ещё люди, которые не деньгами всё измеряют.

– Не пойму, вы этим фактом опечалены или наоборот?

– Рад я. И озадачен.

– Чем? Что я чужими тайнами торговать не хочу?

– Да ну нет же! Чего ты всё так близко к сердцу принимаешь? Злишься вот, за слова цепляешься... Я похвалить тебя хотел, а вона как всё вывернулось. Нельзя так, Ника. Ежели ты весь мир будешь в штыки воспринимать и в каждом слове обиду искать, то и мир к тебе никогда лицом не повернётся.

Вероника и сама понимала, что разозлилась на пустом месте. Задумывалась ли она о том, что на даре своём заработать может? Да! Только это были бы грязные деньги. Воровство это и вмешательство в личную жизнь. Полы в супермаркете мыть или утки за лежащими больными выносить – и то чище, чем такое. Потому никогда и не делилась ни с кем своей

тайной, что много желающих нашлось бы попользоваться её возможностями. Она же не настолько наивная дура, чтобы не понимать этого. В детстве, может, и не понимала, но сейчас-то ей уже двадцать семь! И мозги имеются, хоть дед Егор и сказал, что у неё в голове вместо них тьма.

– Дед Егор, а тьма, что у меня в голове, от травмы может быть? – примирительным тоном сменила тему девушка, чтобы выбраться из возникшей неловкости. – Я во время аварии знатно так приложились...

– От болезней тьма иная, – принял её капитуляцию хозяин. – Ежели сравнивать, то болезнь выглядит как...

Входная дверь скрипнула, и на пороге появилась высокая женщина в домашнем халате. Должно быть, та самая, которая присматривала за домом в отсутствие хозяина и накануне не пустила Веронику внутрь.

– Господь Всемогуший! – симпатичное круглое лицо посерело, а рука визитёрши сама собой начала выписывать в воздухе кресты. – Егор! Ты ж помер!

– Да тыфу на тебя! – вместо приветствия отозвался дед, а Вероника прыснула в кулак, едва сдерживаясь, чтобы не расхохотаться.

– Но... А «скорая»? Зойка сказала...

– А ты её больше слушай, она ещё не такое скажет, – перебил соседку дед Егор. – Чего тебе не спится-то?

– Так шесть часов же. Козу твою доить пришла и гостью завтраком покормить... – изумлённое выражение никак не

хотело покидать ставшее пунцовым лицо женщины. – Ой, как неловко-то...

– Неловко штаны через голову надевать, – сообщил дед Егор и весело подмигнул Веронике. – Спасибо за заботу, но мы с козой сами справимся. Да, Ника? Пойдём, уж и правда пора хозяйством заниматься. А ты ступай, Мария, к себе. И Зойке скажи, пусть поменьше языком мелет, а то сотрёт его скоро.

– Ну и дела-а-а... – соседка ещё раз перекрестилась и исчезла за дверью.

– Вот так и живём, – развёл руками дед Егор, вставая из-за стола. – Зато с перемытыми костями ходить легче.

– И часто вас хоронят? – не скрывая улыбки, поинтересовалась девушка.

– А всякий раз, как в больницу попадаю. Не знаю, откуда слухи пошли, но все почему-то решили, что я со дня на день на тот свет отправлюсь. И сон тот, что ты видела... Это жена моя первая приезжала требовать, чтоб я на сына дарственную на дом оформил. Мол, после смерти наследства долго ждать, а у меня от второй супруги ещё двое наследников имеется. Кто-то наболтал, что помирать я собираюсь, вот и примчалась заранее похлопотать, чтоб никому больше дом этот не достался. И смешно, и горько... Ты, ежели хочешь, в доме оставайся, поспи ещё. А я пойду, дел неувпроворот.

– А можно с вами? Я помочь могу чем-нибудь, – предложила Вероника.

– Ну, пойдём, коль так. Птицу покормишь, пока я с Дуськой насчёт молока договорюсь.

– В смысле?

– Козу подою. Могу и тебя научить.

Вероника на это предложение ничего не ответила. Козу подоить она и сама могла – бабушка у себя в деревне не только коз, но и корову держала, так что опыт имелся. Вообще ей деревенская жизнь всегда больше городской по душе была, только вот муж этого пристрастия не понимал и не разделял. Отдыхать – пожалуйста, но чтоб огород держать или живность какую-нибудь разводить, даже речи быть не могло. Бабушка Вероники называла это потребительским отношением к жизни, а сама девушка считала, что каждый имеет право жить так, как хочет.

Было бы неплохо погостить немного у деда Егора, но задерживаться здесь, если он не может помочь в поисках Карины, было бессмысленной тратой времени. Вероника и так уже целых четыре года потеряла, поэтому теперь хотела использовать каждую минуту, чтобы наверстать упущенное. Старик проявил искренний интерес и вроде бы был настроен помочь в меру своих возможностей, но сколько времени уйдёт, пока он разберётся в её даре и во всём остальном? Да и разберётся ли?

С другой стороны... Ну вот уедет Вероника отсюда, вернётся обратно в свой город, а дальше что? Снова беготня по объявлениям потомственных ведьм и гадалок? Нет уж. По-

ка дед Егор не скажет, что всё, тупик, она никуда отсюда не поедет. Да и от тьмы в голове было бы неплохо избавиться. Если её способности – это тьма, то без них, наверное, и жить будет попроще.

Глава 5

– Ой, щенки! – Вероника присела на корточки и подставила руки пузатым шерстяным комочкам, которые тут же облюбовали её по самые локти. – А мамка-то где?

– А нету мамки, – дед Егор, кряхтя, встал с низенькой скамеечки, погладил козу по морде и плеснул молоко в широкую миску в углу сарая. Щенки немедленно потеряли интерес к девушке и устроили возню вокруг угощения. – Я их в посадке у дороги нашёл. Видать, кто-то из машины выкинул. Двое подошли, а эти вот ничего, крепенькие.

– И куда вы их потом? Всех троих себе оставите?

– Не. Раздам, как подрастут немного. Я собак не люблю, хоть от них и польза. Пойду молоко процежу и студить поставлю. Ты пьёшь козье-то?

– Ага, – кивнула Вероника, вытирая руки о штаны. – У меня бабушка коз держала.

– А сейчас чего? Померла?

– Да вроде жива пока. Просто я давно к ней не ездила.

– Это плохо. От отсутствия внимания люди старятся быстро.

Оставив гостью в компании щенков и козы размышлять над этим философским изречением, дед Егор вышел из сарая. Пока он был занят своими делами, Вероника успела и кур из курятника выпустить и накормить, и сам курятник

вычистить. Почему-то эта простая работа показалась ей куда полезнее всего того, чем она занималась в последнее время. Нужно было ещё собрать яблоки, которые нападали с веток на землю, но девушка не знала, где взять корзину или ящик под них.

* * *

Спелые краснобокие плоды россыпью лежали под ногами, и было ужасно жаль оставлять такое богатство на растерзание прожорливым курам. Бабушка обычно обрезала гнилое и битое, а остальное сушила или пускала на повидло и сок. Такого кошунственного отношения к фруктам, как здесь, она бы сроду не допустила. Заприметив у забора перевёрнутый кверху дном пластиковый таз, Вероника принесла его поближе и начала собирать яблоки с земли.

– И куда ты их девать собираешься? – осведомился дед Егор, который вернулся, чтобы вывести козу на выпас.

– А вы разве не перерабатываете их?

– Не-а. Я яблони для детей сажал, а теперь вот куры жрут, что падает. Бросай это бесполезное дело, разговор есть.

– Я тогда хотя бы на пирог наберу. Угощу вас моей фирменной шарлоткой, – Вероника подхватила несколько яблок посимпатичнее и вопросительно уставилась на хозяина. – Какой разговор?

– Да я вот тут подумал... Мне мой дар был послан, чтоб я людям помогал. Бывает такое, что места себе не нахожу,

маюсь, а как попользую дар этот, так сразу и легче на душе становится. И чем больше помогаю, тем мне же лучше. И с давлением в последнее время проблема-то потому, что давно не делал того, зачем людям нужен. Может, и у тебя так? Ведь не просто так же тебе это дадено, а для чего-то.

Девушка с минуту непонимающе хлопала глазами, а потом с изрядной долей скепсиса уточнила:

– Провалы в памяти восстанавливать что-ли?

– Ну...

– Я до сих пор даже понятия не имею, как это работает, а вы меня к посторонним людям в головы послать хотите? Да и как вы себе это представляете? Подвиньтесь, уважаемый, я тут рядом с вами посплю, и вашу амнезию как рукой снимет? Так что-ли?

– Ты опять злишься, – заметил дед Егор. – Я для тебя стараюсь, а ты как ёжик.

– Нет, ну правда. Как мои проблемы со сном могут кому-то пользу принести?

– Да вот как ты сказала, так и могут. Дар развить можно, разобраться в нём, научиться управлять...

– Егор Акимович, я дочь хочу найти, а не усугубить то, что имею.

– А если оно тебе для того и дадено?

– Вы меня запутали, – вздохнула Вероника. – Дадено, не дадено... Я тоже чувствую, что это как-то должно помочь, но как? Не могу ж я ломиться на порог к каждому, кто в том

автобусе ехал, и проситься поспать недельку где-нибудь рядом на коврике, чтобы увидеть то, что человек тогда глазами видел, но внимания не обратил. Думала уже об этом, но бред же. Меня и так за сумасшедшую считают, а то вообще в смирительную рубашку закатают, чтоб к людям не приставала.

Дед Егор насупился и протопал мимо Вероники к сараю, откуда через пару минут вывел голодную козу. Дуська на ходу обглодала всё, до чего успела дотянуться, и с выбрыком устремилась в сторону сада, натянув верёвку до отказа. Веронике оставалось либо ждать, пока вернётся хозяин, чтобы закончить начатый разговор, либо заняться шарлоткой, отложив беседу на попозже. Она выбрала второе, поскольку жаркое июльское солнце с каждой минутой взбиралось всё выше по небосклону, а в доме всё-таки было прохладнее.

– Мяу! – донеслось из-под стола, стоило девушке переступить порог.

– А ты ещё откуда взялась? – Вероника удивлённо воззрилась на пушистую трёхцветную кошку.

– Мя-а!

– Ну и зоопарк...

– Так деревня же, – пробасил за спиной дед Егор, и девушка от неожиданности выронила яблоки. – М-да, с нервишками у тебя и правда непорядок.

– А вы не подкрадываетесь.

Вероника собрала фрукты с пола, попутно погладив ласковую кошечку. Благодарное за внимание животное возна-

мерилось забраться ей на руки, но Вероника аккуратно отцепила острые коготки от джинсовой ткани брюк и отрицательно покачала головой:

– Нет, дорогуша. Ты, конечно, красавица, но я пока занята.

Дед Егор неопределённо хмыкнул и прошёл в кухню, чтобы вымыть руки. К слову о кухне... Она была такой малюсенькой, что там с трудом помещались газовый котёл, двухконфорочная плита и раковина. Для стола, шкафчиков и холодильника места не было, поэтому они располагались в большой комнате. Санузел, хоть и совмещённый, и то казался больше этого крошечного помещения. Духовка в плите, соответственно, тоже была маленькой, а о наличии противня или чего-нибудь, в чём можно испечь шарлотку, Вероника до этого момента как-то даже и не задумывалась.

– На вот, – хозяин вышел из кухни и вручил ей небольшую чугунную сковороду без ручки, будто знал, о чём пригорюнилась гостья.

– Спасибо. А мука-то у вас есть?

Мука, сахар, яйца, соль, сода, миска для замешивания теста и даже удобный небольшой венчик – всё это появилось на столе раньше, чем девушка успела перечислить то, что ей необходимо.

– Я пожимарю часок, а ты хозяйничай, не стесняйся, – разрешил дед Егор, направляясь в спальню. – Муська, идёшь со мной?

– Мяу! – отозвалась кошка, запрыгнув на стул и с любопытством заглядывая на стол.

Хозяин пожал плечами и скрылся в комнате, откуда почти сразу же раздался раскатистый храп.

– Мяу!

– Тс-с-с... – шикнула на неугомонную кошечку Вероника.

– Мяу!

– Вот зараза...

Требовательное мяуканье продолжалось до тех пор, пока кошка не заполучила дополнительную порцию молока в блюдечко, обнаружившееся под столом. Вероника любила животных, но отвыкла от общения с ними, потому что мать никогда не позволяла держать в квартире кого-нибудь, кроме рыбок. Сергей тоже зоопарк в доме не приветствовал. У подруги Вальки, правда, был персидский кот, но его из-за отвратительного характера даже погладить было невозможно. А тут – коза, куры, щенки, кошка... Такое великолепие только у бабушки в деревне было.

Бабушка... Дед Егор прав – старикам внимание очень нужно. Растят детей, внуков, а те потом разлетаются в разные стороны и даже позвонить не всегда время находят. Засунув сковороду с тестом в духовку, Вероника вынула из сумки телефон и набрала номер матери. Короткие... Значит, мама опять трещит с кем-то из подруг. В восемь утра. Очень на неё похоже. Позвонить бабушке?

– Алло... – после нескольких гудков ответил незнакомый

мужской голос.

– Извините, я Варваре Фёдоровне звоню, это моя бабушка, – выпалила Вероника, заподозрив неладное.

– Вы ошиблись, здесь такой нет.

– Но это её номер!

– Девушка, я купил симку с этим номером полгода назад. Может, раньше это и был номер вашей бабушки...

Дальше слушать раздражённого незнакомца Вероника не стала и отбила вызов. Вот так. Связи с бабушкой нет уже больше полугода, а она даже не в курсе, почему так случилось. Вот тебе и внимание. Новый номер наверняка знала мама, но это не отменяло вины Вероники. Могла бы и раньше спохватиться и вспомнить о любимой бабуле. Нет, она, конечно, вспоминала, но позвонить и поговорить ни разу не соизволила. Снова свалить всё на горе от потери дочери? Совесть-то должна быть. На шарлатанов и на жалость к себе времени хватало...

Она снова злилась, но теперь уже на себя. Дед Егор прав и в том, что с нервами у неё далеко не всё в порядке. А в чём ещё он прав? В том, что нужно использовать дар по назначению? Лезть в чужие сны и искать в них нужные воспоминания? Но это же гадко... И невозможно. Во-первых, где и как искать тех, кто ехал тогда в автобусе? Ну ладно, допустим, эта информация есть у полиции, у компании-перевозчика и у страховой. Можно зажмуриться и один раз переступить через закон, чтобы добыть эти сведения. Ну а дальше-то что?

Проситься к каждому на постой на недельку-две? Нет, это вообще не вариант. Ни с какой точки зрения. Какой смысл развивать талант, если от него проку всё равно не будет?

От всего этого голова шла кругом. А сладкий аромат с кухни свидетельствовал о том, что шарлотка уже готова, и можно тоже хоть ненадолго прилечь и отдохнуть. Правда, поблизости громко храпел дед Егор с его личными снами, которые непременно заберутся в её голову...

– Вот тебе и ответ, зачем нам было суждено встретиться, – Вероника подхватила на руки кошку и устроилась поудобнее на кровати, положив мурлыку рядом. – Он научит меня не видеть чужих снов. Если устройство работает неправильно, надо просто его выключить, чтобы не жрало электричество без пользы. Так мы и поступим, да?

Кошка ответила ей громким мурчанием и свернулась мягким, тёплым клубочком на подушке возле головы. Вероника стащила её пониже, но упрямое животное всё равно норовило улечься там, где ему нравилось. В итоге победила лень, и девушка задремала, отвернувшись к стене. В этот раз ей снились только собственные сны, потому что дед Егор уже не спал. Он тихо лежал на старом диванчике, уставившись в чисто выбеленный потолок, и думал о том, как помочь его несчастной гостье. Выключить дар – это, конечно, здорово, да только возможно ли?

Глава 6

Вероника проснулась с неприятным чувством, что ей в спину кто-то смотрит. Такое бывало и раньше, но настолько пугающе – никогда. У неё даже мурашки по коже поползли. Повернуться и посмотреть, кто там? Страшно...

– Не бойся, это я, – раздался сзади спокойный голос деда Егора.

Девушка сразу узнала говорящего, но от неожиданности всё равно вздрогнула, и неприятное ощущение тут же пропало. Он сидел на стуле рядом с кроватью, на которой она спала, и выглядел невероятно уставшим.

– Вы себя нормально чувствуете? – разволновалась Вероника.

– Не хуже, чем обычно. Хотел посмотреть, что там у тебя в голове делается, но это оказалось сложнее, чем я предполагал.

Девушка села и зябко поёжилась.

– Это всегда так неприятно? Ну, когда вы...

– Понятия не имею, – честно признался старик. – У всех по-разному, наверное. Кто-то жалуется, другие нет. Вставай, обедать будем.

Веронику так и подмывало спросить, что же такое он увидел в её голове, но дед Егор определённо не был настроен на откровения, и поэтому она тактично промолчала. Захочет –

сам скажет.

Умывшись, девушка без повторного приглашения села за стол, где её уже ждала объёмная тарелка с овощным рагу, пряный запах которого заставил желудок заурчать в предвкушении вкуснятины. Рядом стояли корзиночка с большими ломтями свежего хлеба, холодец, плоское блюдо со свежими огурчиками и зеленью, а в центре стола ждала своей очереди накрытая полотняной салфеткой шарлотка.

– Как-то неловко получается, – смутилась Вероника. – Свалилась вам на голову со своими проблемами, а вы меня ещё и кормите. Давайте я хоть готовить буду что-ли?

– Ну готовь, коль не лень, – отозвался дед Егор. – Овощи в огороде, мясо в морозилке. Магазин в конце улицы, ежели чего ещё понадобится. Только хлеб там не бери, он не очень. Хлеб мне Марья печёт.

– Отлично, – кивнула Вероника, принимаясь за еду. – Спасибо и приятного аппетита!

– Угу, – кивнул хозяин, который уже уплетал свою порцию за обе щеки, обойдясь без традиционных пожеланий.

Из уважения к нему девушка слопала почти всё, что было в её тарелке. И не только из уважения. То ли свежий деревенский воздух так действовал, то ли принятое решение позволило на некоторое время расслабиться и позволить себе наслаждаться маленькими приятностями, но Вероника вдруг с удивлением осознала, что чувствует вкус еды. До этого она как-то не обращала внимания на то, что ест, лишь бы утолить

чувство голода, а теперь она поймала себя на мысли о том, что морковки, на её взгляд, в рагу слишком много, а поперчить можно было и посильнее. Придираться к еде? Она уже не помнила, когда вообще в последний раз задумывалась об этом.

– Я слышал, как ты с Муськой разговаривала перед сном, – сообщил дед Егор, не поднимая взгляд на гостью. – Про то, что хочешь научиться дар свой закрывать.

– И что? – Вероника положила ложку в тарелку и вопросительно уставилась на хозяина.

– Вот как всё доешь, тогда и расскажу.

– Это шантаж?

– Нет. Это забота. Мой дар много сил отнимает. И у меня, и у того, с кем работаю. Бывало, некоторые и в обмороки падали тут. Тебя и так ветром шатает, помрёшь ещё мне...

– Не помру. И не лезет в меня больше. Очень вкусно, спасибо, но я сейчас лопну.

– Плохо.

– Плохо будет, если меня разорвёт.

Дед Егор нахмурился и заглянул в почти опустевшую тарелку Вероники.

– Ладно, собакам скормлю, что осталось. Через неделю сама добавку просить будешь.

– Неделю?

– А ты думала, что за день дар свой раскроешь и управлять им научишься?

– Нет, конечно, – Вероника сникла и тяжело вздохнула. – Просто это время...

– Ты сама для себя реши сначала, чего хочешь. Я нево-
лить тебя не собираюсь. Решишь уехать – поезжай. Захочешь
остаться – оставайся. Но ежели дёргаться туда-сюда будешь
и переживать постоянно, толку от нашей работы получится
ноль. И пойми – этот твой дар для меня чужой, я его не по-
нимаю толком, поэтому не могу сказать, сколько времени мы
на него потратим. Неделю, месяц, год – я не знаю. Может та-
кое случиться, что мы совсем разгадать его не сможем.

– М-да... – задумчиво изрекла девушка. – И хочется, и ко-
лется... Надеюсь, мне не надо будет заваривать шерсть три-
надцати бродячих собак и пить это варево по полстакана в
день?

Дед Егор поперхнулся рагу, а когда прокашлялся, сквозь
навернувшиеся на глаза слёзы удивлённо уставился на го-
стью.

– Чего 3-заваривать?

– Да так, – махнула рукой Вероника. – Вспомнилось про-
сто. Это мне колдунья одна в городе посоветовала. Но я не
заваривала, вы не подумайте. Ещё чего не хватало.

– А-а-а-а... для чего она это п-посоветовала? – старик аж
заикаться начал, настолько его поразил странный рецепт.

– Сказала, что бродячие собаки больше видят, чем люди и
домашние питомцы, и если я сделаю всё, как она говорит, то
глазами этих собак видеть начну, и это меня к дочери при-

ведёт. Там ещё длиннющий заговор прилагался, но я его выкинула сразу, как от тётки этой вышла.

– И сколько она с тебя за этот совет взяла?

– Две тысячи что-ли... Не помню, честно.

– Э-э-э... М-м-м... Да уж.

– Да мне ещё и не такое советовали. Вы кажетесь самым адекватным из всех, у кого я была. Поэтому я пока останусь, а дальше видно будет. Так ведь можно?

– Да я ж тебя на цепь-то не сажаю. Уедешь, когда захочешь, сказал же, – дед Егор собрал со стола посуду и потопал в кухню. – Бродячие собаки... Ха! Это ж надо до такого додуматься...

Вероника помогла ему убрать лишнее со стола и разрежала шарлотку на небольшие кусочки. Сама она не могла больше съесть ни крошки, но рассчитывала, что хозяин не откажется попробовать её стряпню. Угадала – дед Егор налил компот ей и себе, а потом положил для себя на плоскую тарелку два кусочка порумянее.

– Ну как? Вкусно? – поинтересовалась она гордо. – Бабушкин рецепт, семейный.

– Сносно, – поморщился старик. – Соли многовато.

Девушка отщипнула малюсенький кусочек от корочки пирога и сунула в рот, оценивая собственное творение.

– И правда солёная. Странно... А тесто было сладкое...

– Ну, бывает, – успокоил её старик. – Задумалась об чём-нибудь, вот и пересолила. Садись, расскажу, чего в голове

твоей делается.

Вероника послушно присела на стул и вся превратилась во внимание. Дед Егор ещё несколько минут в абсолютной тишине жевал солёную шарлотку, потом запил её компотом и только после этого обратил своё внимание на терпеливую гостью.

— Для понимания сначала объясню, чем одна тьма в человеке от другой отличается... — начал он издалека и сделал паузу, ожидая реакции, но Вероника готова была к длинному вступлению, поэтому даже бровью не повела. — Есть тьма от естественной болезни. Она горячая, мягкая и податливая. Чем сильнее болезнь, тем плотнее этот комок, а размягчить его и вытянуть сложнее. И такая тьма всегда там, где причина, находится. Ну вот, например, ежели мигрени от шеи идут, то и тьма сзади на шее видна будет, а не в голове. От колдовства тьма другая — холодная, твёрдая, колючая. И всегда вот тут, — старик постучал кулаком себя по груди в области солнечного сплетения. — А уже от этой тьмы, ежели на болезнь сделано, идут тонкие ниточки туда, где болеть должно. Можно порвать их, вытянуть болезнь, но она снова прорастёт, ежели не убрать то, что от колдовства взялось. Это тяжелее, чем просто болезни лечить. Намного тяжелее. Был у меня тут парень один, так я с ним почти год проводился. Колдовская тьма прятаться умеет. Проглядишь круплицу незаметную, а она снова вырастает в жуть кошмарную. И опять же, колдовство колдовству рознь. Бывает беда кем-

то сделанная, бывает самим же на себя накликаемая, а бывает и от рождения даденная. Они разные, но это долго объяснять и рассказывать, да и не нужно тебе. Твоя тьма особенная. Она как... Не знаю даже, с чем сравнить. Гладкая такая, скользкая... Как мыла кусок мокрого, во! Не ухватить её, не уцепить никак. И вот когда ты не спишь, она будто спит, бездействует. А когда спишь, она... Из неё будто щупальца появляются. Длинные, жирные... И не в самой голове они, а наружу выходят и ищут, трогают всё...

– Фу, мерзость какая... – брезгливо скривилась Вероника и почесала обеими руками голову, представив торчащие из неё щупальца.

– Ну да, не особо приятное зрелище, – согласился дед Егор. – Я понаблюдал тут немного, пока ты спала... Они не бесконечные, не могут дальше определённого расстояния дотянуться.

– Да, я не вижу снов тех, кто спит далеко. Метров пять-шесть. Ну восемь максимум.

– Угу, – кивнул старик. – И вот я сидел рядом, а оно меня не тронуло. Общупало всего и дальше потянулось. А к Муське в голову влезть попыталось, она потому и удрала. Проснулась, зашипела и на улицу убежала. Ты ведь только человечесьи сны видишь? От животных нет ничего?

– Нет. Никогда не было такого. Знаете, вот у меня теперь такое чувство, что в голове инопланетянин сидит, который снами чужими питается. Я ж теперь спать не смогу. Можно

это как-то вытащить?

– Ишь, шустрая какая! Вытащить... Как же я его вытащу, ежели взять нельзя?

– Схватить за щупальца и выдернуть, – предложила Вероника.

Дед Егор только хмыкнул в ответ и головой покачал. Ощущение после его откровений и правда было отвратительным. Мало ей было знания, что она в чужих снах колупается, так теперь ещё и такие подробности. Голова будто изнутри чесаться начала. Мнительность и буйная фантазия в таких делах – ужасные спутники. Вероника стянула с растрепавшегося хвостика резинку и от души почесала кожу на голове.

– Б-р-р-р-р... Фу!

– Да не нервничай ты так, – попытался успокоить её старик. – Придумаем что-нибудь. Посмотреть бы, что происходит, когда корявки вот эти до другой спящей головы добираются.

– А без этого никак?

– Ну надо ведь понять, как оно работает.

– А что это вообще за пожиратель снов такой? Вы такое когда-нибудь видели раньше?

– Не-а. У тебя в роду-то больше никого со странностями нет?

– Да нет вроде. Но у меня пятно есть, вот... – Вероника сдвинула в сторону ворот футболки, демонстрируя пятнышко у основания шеи. – Юлия сказала, что у её деда такое же

было, и что это какая-то метка богов.

– Хм, а формой-то похоже на то, что в голове у тебя, – задумчиво сообщил дед Егор. – С рождения это?

– Да, но оно большое было в детстве. У меня на фотографиях, где я совсем малявка, даже на шее его видно, как синяк здоровенный. Мама говорит, что это монгольское пятно какое-то. Где-то в родословной у нас монголы затесались. Я читала об этом, и везде пишут, что обычно такие пятна на спине и чуть пониже у новорожденных бывают, а я вот такая особенная. Да его уж и не видно почти. И цвет поменялся. То оно синюшное было, а теперь просто как веснушка с фасолину размером.

– Как по мне, так одно с другим связи не имеет, – покачал головой старик. – Пятно это может указывать на присутствие дара, не спорю, но толку от этого нету.

– Ну, значит, одним вопросом меньше, – подытожила Вероника. – И что делать дальше? Я не хочу, чтобы эта кракозябра у меня в голове сидела. От паразитов избавляться надо как-то.

– А ежели это не паразит?

– В смысле?

– Это может быть часть твоей сути. Как атавизмы всякие. Бывает же, что детки с хвостами рождаются, а ты вот с такой штукой родилась...

– Ага. Прямо вижу древнее племя питекантропов, которые по ночам в головы друг другу щупальцами лезут, – съязвила

Вероника.

– На меня-то чего огрызаешься? – удивился дед Егор. – Я просто предположение высказал. Не нравится, так вообще больше не скажу ничего.

– Простите, пожалуйста. Просто... Ну...

– Трудно, да, я понимаю. Но надо как-то в руках себя держать. Как ты научишься управлять этим, если с эмоциями своими сладить не можешь?

– Ох...

– Ладно, хватит с тебя пока. Вижу, что время тебе нужно осознать и принять всё, как есть. Мне по делам отлучиться надо ненадолго. Щенков покормишь?

– Угу, – кивнула Вероника. – А можно ещё вопрос?

– Валяй.

– Вы когда ночью домой пришли, а я спала... Вы тоже тогда вот это всё видели? – она вытянула вперёд руки и пошевелила скрюченными пальцами, изображая щупальца.

– Ну да.

– А почему раньше мне об этом не сказали?

– Побольше увидеть хотел, прежде чем выводы какие-то делать. А ты как сама-то отреагировала бы, если б я тебе вот так в лоб сразу всё сказал? Небось вторым ботинком бы в меня запульнула и удрала подальше. Для каждого слова и дела своё время есть, Ника. А за пирог спасибо. Вкусно, хоть и солоно.

– Не за что.

Вероника проводила его взглядом до двери и снова почесала голову. После этого диалога фраза «тараканы в голове» обрела для неё вполне реальный смысл. Лучше бы тараканы, чем такое...

От мерзкого ощущения она не могла избавиться до самого вечера. Накормила щенков, сварила компот, навела чистоту в доме, даже пару грядок в огороде прополола, лишь бы как-то отвлечься, но бесполезно – мысль о том, что у неё в голове сидит какая-то тварь, преследовала её повсюду. В конце концов Вероника набрала полную ванну горячей воды, залезла в неё, расслабилась и начала петь. Всё подряд, что приходило на ум.

– А у вас красивый голос, – сообщил симпатичный незнакомец, разглядывая хрупкую, обёрнутую полотенцем фигуру раскрасневшейся после ванны девушки.

– Вы ещё кто? – нахмурилась Вероника, придерживая на груди полотенце.

– Глеб, – представился мужчина. – Мне Егор Акимович нужен. Простите, что вошёл без приглашения, но у вас тут дверь нараспашку...

Вероника бросила короткий взгляд на входную дверь, которую оставила открытой, чтобы проветрить дом.

– Могли бы и на улице подождать, а не лезть в чужое жилище, хоть оно и открыто, – упрекнула она мужчину, проскочила мимо него к кровати, схватила свою сумку и скрылась в маленькой спальне.

– А долго ждать? – уточнил незванный гость, проигнорировав упрёк.

– Понятия не имею.

– Ну вот. А там жарко. Неужели вы и холодной воды гостю не предложите?

– Наглость – второе счастье, – громко констатировала девушка, влезая в короткие бриджи.

– А первое?

Вопрос поставил её в тупик. И правда – в чём первое счастье? Откуда вообще пошла эта поговорка? Ведь тот, кто её придумал, наверняка что-то имел в виду... Надев свежую футболку, Вероника с надменным видом выплыла из спаленки, налила в большую кружку холодной воды из крана и вручила посудину Глебу.

– Совесть, я полагаю.

– Вряд ли, – мужчина залпом опрокинул в себя чуть не пол литра ледяной воды и вытер рот рукой. – Наглость и совесть несовместимы, между ними не может быть логической связи.

– Вы философ что-ли? – Вероника вздёрнула бровь и одарила гостя скептическим взглядом.

– Нет.

– Ну и славно. Егор Акимович куда-то отправился по делам и скоро должен вернуться. Угощайтесь, – она сняла салфетку с шарлотки и подвинула блюдо поближе к Глебу. – Не стесняйтесь, всё равно собакам отдавать.

Мужчина уже было протянул руку к пирогу, но после этих слов поставил локоть на стол, подпёр кулаком щёку и с интересом посмотрел на девушку.

– Вы всегда такая колючая?

Она могла ничего не отвечать на этот вопрос, но на волне переживаний из-за недавнего разговора с дедом Егором ответ вырвался сам собой:

– Нет. Обычно я гладкая и скользкая. Как мыло.

Глава 7

Чувство неприязни возникло практически на пустом месте, но засело внутри так крепко, что Верноика никак не могла от него избавиться. По сути, ничего плохого Глеб ей не сделал. Ну да, вошёл в дом без приглашения. Да, начал заигрывать. И что? Он же не к ней в дом залез, а масляные взгляды и хамское поведение сегодня вообще не редкость, причём не только у мужиков. Она сама-то чем лучше? Чего взъелась на него?

Увы, самовнушение не помогало – с каждой минутой гость деда Егора бесил её всё больше. Не столько он сам, сколько его противная ухмылочка. Подозревая, что ещё чуть-чуть, и она психанёт, Вероника набрала в железную миску кашу и отправилась кормить щенков.

– Ты чего это хмурая такая? – поинтересовался дед Егор, который как раз вернулся и уже вёл козу на верёвке обратно в сарай.

– У вас гость, – скривилась Вероника. – Некто по имени Глеб.

– Давно приехал? – спокойно осведомился старик, будто знал, о ком идёт речь.

– Часа полтора назад.

– Обидел тебя чем?

– Нет. Просто он мне не нравится.

– Мне тоже, – вздохнул дед Егор.

– Но вы его ещё даже не видели, – удивилась девушка, рассаживая пузатых щенков вокруг миски так, чтобы они не лезли на голову друг другу.

– Это мой зять. Дочка позвонила предупредить, что он приедет, потому и знаю, о ком говорю. Сможешь сама Дуську подоить? Я покажу, как это делается...

– Не надо, я умею, – улыбнулась Вероника в ответ. – Только скажите, во что.

– Пойдём, я тебе ведёрко дам и воды тёплой наберу, чтоб вымя обтереть.

Вероника послушно поплелась следом за хозяином, который нехотя брёл в сторону дома. Судя по мрачному выражению лица, приезд зятя был ему не слишком по душе, но вдаваться в подробности семейных отношений чужих для неё людей девушка не собиралась. Своих проблем хватает, зачем ей ещё и это?

– Здравствуйте, папа, – Глеб намеренно сделал ударение на последнем слове, чем вызвал у Вероники очередной приступ неприязни.

Дед Егор не удостоил его ответом и выдал девушке два трёхлитровых ведёрка – пустое и с тёплой водой.

– Держи, дочка. Тряпка там на заборе у сарая, найдёшь.

Дочка? Вероника покосилась на Глеба и заметила, как его симпатичное лицо исказила недовольная гримаса. Значит, старик специально сказал это. Решил позлить зятя. Дудки!

Не станет она в этом участвовать, пусть сами разбираются. Скорее всего, этот чересчур самоуверенный нахал тоже приехал обсуждать вопрос наследства ещё очень даже живого тестя, а это её вообще никак не касалось – уж кто-кто, а она-то точно ни на что не претендует, и использовать себя не позволит.

Настроение было ужасным, а животные такие вещи чувствуют очень хорошо, поэтому следующие полчаса Вероника ругалась в сарае с козой, которая никак не хотела подпускать к себе рассерженную тётку. Зверюга прыгала и брыкалась, норовила залезть ногами в ведро и в целом вела себя отвратительно, всеми доступными способами выражая протест.

– Дуська, ну перестань, – сменила гнев на милость Вероника, сообразив, что такими темпами она закончит дойку в лучшем случае к утру. – Хочешь яблоко? Вку-у-усное...

Подкуп, да, зато прожорливая скотинка при виде горки спелых, сочных фруктов немедленно успокоилась и позволила сделать то, зачем девушка пришла в сарай. Плеснув немного тёплого молочка щенкам, которые сыто резвились в куче соломы, Вероника оставила ведёрко на улице, собрала яйца во вторую ёмкость и закрыла птицу в курятнике. Возвращаться в дом совершенно не хотелось, но и торчать на улице, скармливая себя ненасытным комарам, вдохновлённо пищащим в вечерней прохладе, тоже было глупо.

– Что-то ты долго, – нахмурился дед Егор, принимая ведёрки из рук гостыи.

– Переговоры с Дуськой затянулись немного. А где ваш гость?

– Проветриться пошёл. Ника, я тебя о помощи попросить хочу...

Старик не закончил фразу, но Вероника сразу поняла, о чём пойдёт речь. Он хочет, чтобы она забралась в сны Глеба.

– Зачем?

– Что зачем?

– Зачем мне лезть к вашему зятю в голову?

– Догадалась, да? – старик вздохнул и принялся процеживать молоко. – Мне нужно знать, что он натворил.

– А разве он приехал не завещание на вашу дочь вымогать? Ведь это же очевидно.

– Нет, завещание тут ни при чём. Этот дом ему нужен не больше, чем Дуське фортепиано.

– А что тогда?

– Вот это я и хочу узнать. Поставь в холодильник, пожалуйста, – он протянул Веронике наполненную до краёв литровую банку и вылил остатки молока в блюдечко для кошки. – Анжела по телефону сказала, что у него отпуск, и что он хочет помочь тут немного по хозяйству. Деревья обрезать, крышу на сарае подлатать... В общем, проявить ко мне внимание и заботу. Мне он то же самое сказал, но я не верю в это.

– Почему?

– Да потому что у него на физический труд аллергия. Не

приспособлен он к этому, руки не оттуда растут. За все те годы, что они с моей дочкой женаты, он здесь палец о палец не ударил.

– Ну... Может, перевоспитался? – предположила Вероника.

– Этот? Ха! Бандюга он. И наверняка спрятаться здесь хочет от чего-то. Или от кого-то.

– А почему вы просто за дверь его не выставите в таком случае?

– Из-за Анжелки. Одно дело, ежели она знает причину, по какой он сюда рванул, но мне кажется, что Глеб и ей соврал. Предчувствие, понимаешь? Вот стоит в груди ком какой-то нехороший, и не уходит... Он своими выходками навредить ведь ей может, а она любит его, дура. Поэтому я и хотел бы узнать, во что он вляпался, чтоб по дочке это не лупануло. И по внукам моим.

Это было нечестно. До слов о внуках Вероника ещё могла ответить отказом, потому что её это всё никак не касалось, но дети... Не важно, чужие они или нет. У неё тоже есть дочь, которую нужно спасти. Да, это разные вещи, разные проблемы, но дети не должны страдать. И если есть возможность предотвратить несчастье, отказывать в помощи с её стороны было бы самым натуральным свинством. Особенно если учитывать причину приезда Вероники в это захолустье.

– Но что я могу? – развела руками девушка, давая понять, что готова помочь, но не знает, как именно. – Я ведь вижу

одни только обрывки, клочки по несколько мгновений.

– Из клочков можно собрать что-то целое, Ника. Пусть это будет хотя бы намёк, лишь бы понять, в чём дело.

– А если он что-то серьёзное натворил? Что-нибудь противозаконное?

– Тогда он сядет, – неожиданно резко и зло ответил дед Егор. – Я на многое способен закрыть глаза, но портить жизнь моей дочери и внукам не позволю.

– А кто он вообще? Чем занимается?

– Да пёс его разберёт. С жильём что-то связано.

– Риэлтор что-ли?

– Может и так. Не знаю, потому врать не буду. Одно сказать могу – нехороший он человек. Я и Анжелке говорил это, когда она замуж собралась за него, да разве ж кто сейчас стариков слушает...

Встревать в чужие семейные проблемы, тем более если они противозаконные, не хотелось категорически. За такое и по башке настучать могут, если вдруг что. Но дети ведь...

– А сколько детям Анжелики? – уточнила Вероника, уже приняв окончательное решение.

– Лёшке четырнадцать, – расплылся в улыбке дед Егор. – Он на отца не похож совсем. Умный парень, работающий. В техникум вот поступает, потому и не приехал. А так каждое лето здесь был. А Миланке восемь... Поздняя она, болезная дюже. Её ко мне редко привозят. Не все болезни исцелить возможно, м-да... А ещё в городе Колька живёт, но он Слав-

кин, а не Анжелкин. Тот уж женат три года как. Я у него останавливаюсь, ежели в городе дела какие есть. У Анжелки не хочу из-за мужика её вот этого...

– Егор Акимович, а если я откажу, вы меня выгоните?

– Это зачем ещё? – удивился старик. – Я тогда Глеба на постой к Марье определяю, пока ты тут. Или в баньке поживёт маленько. Ну, чтоб не беспокоил тебя понапрасну. Ты ж по делу приехала, а не как он. Я хозяин, мне и решать, кого гнать, а кто останется.

– Странные у вас отношения...

– Да как у всех. У тебя лучше что-ли?

Не лучше. Даже, наверное, хуже. Дед Егор по крайней мере был отцом своим детям от обоих браков, переживал за их судьбы и благополучие, а Вероника своего даже не помнила толком. Да и Витька, братец, тот ещё конь. Сколько мать его из всяких дыр вытаскивала, пока не поумнел? Да и поумнел ли? Когда она в последний раз его видела? Ещё до рождения Карины? М-да, в каждой семье свои тёмные углы и скелеты в шкафу, тут уж не поспоришь.

– Я попробую, – кивнула девушка и заметила, что лицо старика просветлело, хотя он и не подавал вида.

Честность – большая редкость. Он ведь мог даже и не просить её. Другой на его месте просто устроил бы зятя в доме, а потом выпросил, что ей снилось. А этот нет. Тактичный... Даже выгнать близкого человека к соседке готов был, чтоб ей, Веронике, которая никто, спалось спокойно. Забот-

ливый...

Остаток времени до возвращения Глеба они потратили на приготовление ужина и обсуждения плана действий. Муж Анжелы был в курсе способностей своего тестя, поэтому присутствие Вероники в доме решено было объяснить проблемами со здоровьем после аварии. Ей даже врать не нужно было, она ведь и правда головой ударилась. Она вообще решила отвечать на все возможные вопросы честно, если они не касались истинной причины её приезда.

Как бы неприятно это не было, но девушке предстояло расположить к себе Глеба, чтобы разговорить его. Она неоднократно замечала, что в снах чаще проявляются те воспоминания, которые вызывают сильные эмоции – волнение, разочарование, ненависть, тоску, любовь, страх... Мать переживала, что её уволят, и потому ей снился оружий начальник. Витька боялся, что его не слишком хорошие поступки выплывут наружу, и поэтому воспоминания, формирующие его сны, были именно о том, что он хотел скрыть. Дед Егор расстраивался из-за того, что родные хоронят его раньше времени...

Веронике не нужно было вытягивать правду из Глеба на словах – она собиралась в непринуждённой болтовне просто пройтись перебором по струнам его памяти в надежде хотя бы вскользь зацепить то, что его беспокоило. Если он приехал прятаться, его подсознание и так показало бы ей причину страха, но она хотела усилить это. Бодрствуя, найти тему, ко-

торая нервирует его больше всего, чтобы понимать, что конкретно она хочет найти в его снах.

На словах план казался простым и почти идеальным, но на деле изображать интерес к человеку, который неприятен, было довольно сложно. Вероника несколько раз ловила себя на желании ответить на какие-то замечания Глеба резкостью. Вдобавок ко всему он оказался ещё и падким на женское внимание, а к концу ужина и вовсе начал делать откровенные намёки, не стесняясь присутствия тестя, который скрипел зубами от злости. Переиграла, да, но не для себя же она старалась. Самой мерзко. И безрезультатно, потому что так и не смогла понять, какая из обсуждаемых за ужином тем была ему не по душе. Складывалось впечатление, что его вообще ничто не беспокоит. Кроме степени доступности собеседницы, конечно.

– Я его придушу, – пообещал дед Егор шёпотом, когда Вероника помогала ему убирать со стола, а Глеб полез на чердак за раскладушкой.

– И сделаете свою дочь несчастной? Пусть сами разбираются. Думаю, он всегда был таким, и Анжеле это известно. Не лезьте в это, а то ещё и виноватым окажетесь.

– Я уже жалею о своей просьбе. Ты тоже хороша...

– Серьёзно? – Вероника от изумления уронила тарелку в раковину. – Я ещё и крайняя теперь? Не нужен мне ваш Глеб ни в каком виде, успокойтесь.

– Прости.

Он не сказал больше ничего, только насутился сильнее. Ну правильно – ему неприятно видеть, как зять плюёт на семейные ценности. Ну а Вероника-то тут при чём? Ей это вообще триста лет не нужно было. Зря ввязалась. Но раз уж пообещала, сделает всё, что в её силах, хотя желание послать всех к чертям становилось с каждым часом всё более настойчивым.

Глебу постелили в маленькой спальне, а Вероника уступила кровать деду Егору, потому что старенькая раскладушка его габаритов просто не выдержала бы. Спать старик не собирался – хотел посмотреть на дар своей гостыи в действии и заодно проконтролировать, чтобы в его доме не случилось греха. Первое намерение он Веронике озвучил, а о втором предусмотрительно промолчал, не желая обижать гостью ещё сильнее. Да она ж не настолько глупая, чтоб не догадаться. Она ему чужая, поэтому он и не знает, чего от неё ждать. Неприятно, да, зато бдительность деда Егора служила ей защитой от посягательств Глеба на случай, если тот воспринял изменения в её настроении как приглашение к чему-то большему, чем просто дружеская болтовня.

Устроившись поудобнее на старой, давно провисшей раскладушке, Вероника попыталась заснуть, но сон всё никак не шёл. Она превосходно выспалась днём, и теперь организм хотел бодрствовать.

«Одна белая овечка, прыгающая через ручей. Две белых овечки, прыгающих через ручей. Три белых овечки...» Это-

му её научила бабушка. В деревне все ложатся спать рано, а Вероника тогда до ужаса боялась темноты, поэтому бабуля и посоветовала закрыть глаза и считать овечек. И не просто считать, а представлять, как они перепрыгивают через ручей. Это всегда срабатывало безотказно раньше, чем счёт доходил до сотни, но сегодня поголовье скачущих овец насчитывало уже почти тысячу, а сон приходить не торопился.

* * *

– Тысяча белых овечек, прыгающих через ручей туда-сюда и весело блеющих назло пастуху, который очень хочет спать... – простонала Вероника, свесив ноги с раскладушки на пол, и поняла, что находится не в уютной комнате деревенского домика, а в чужой квартире со старыми выцветшими обоями и нелепыми полосатыми занавесками на окнах. Небо за окном было затянуто тучами, из которых на засиженное мухами стекло изливался дождь. Вдобавок её ноги оказались обильно волосатыми, и пока девушка сообразила, что всё же когда-то успела заснуть, дверь в комнату приоткрылась, и в образовавшуюся щель просунулось небритое, изрядно помятое лицо какого-то пьянчуги.

– Проспался? Собирай шмотки и вали отсюда. Менты уже час как уехали, так что путь свободен.

Глава 8

– Я так и не поняла, чем ты занимаешься, – с невинным видом запустила удочку Вероника за завтраком.

– А ты? – Глеб хитро улыбнулся. – Ты рассказала только о том, что последние несколько лет ищешь дочку. А до этого?

– О, это не секрет. Я домохозяйка с дипломом бухгалтера. По специальности не проработала ни дня, потому что бухгалтеров у нас в стране больше, чем нормально оплачиваемых вакансий. Да и работа эта... Чужие деньги считать... Не моё.

– А зачем же тогда училась, если тебе эта профессия не нравится?

– Затем, что нужно было на кого-то учиться. А у тебя потрясающая способность менять тему для разговора. Не хочешь отвечать на вопрос, так и скажи.

На ты они перешли ещё накануне, о чём Вероника несканно жалела. Всё же местоимение «вы» – это не просто дань вежливости и уважению, а некоторая дистанция между собеседниками, позволяющая исключить ненужные вольности в общении. Будь её воля, она бы держала этого симпатягу от себя подальше, потому что рядом с ним чувствовала себя букашкой, пойманной в банку – вроде пока ещё ничего плохого не случилось, но непонятно, что на уме у поймавшего.

– Я бизнесмен. Покупаю убитое жильё подешёвке, вкла-

дываюсь в ремонт, а потом продаю по адекватной цене. А что, разве дед тебе ещё не выложил свою теорию насчёт моей принадлежности к гильдии чёрных риэлторов, охотящихся на одиноких старушек?

В его голосе сквозили обида и раздражение. Это могло означать что угодно, но Веронике почему-то показалось, что Глеб говорит правду. Хам, нахал, кот мартовский – да, но на преступника, а тем более убийцу, он что-то не особо тянул. Нужно было что-то ответить, и девушка решила, что лучше будет до конца разобраться в начатой теме, чтобы не возвращаться потом к неприятному для мужчины разговору.

– Нет, дед Егор мне ничего такого не говорил, – почти не соврала она. – А что, у него есть повод делать такие выводы?

– О-о-о... Ещё какой! У Акимыча сестра была старшая, тётка Софья. Она в городе жила, в однокомнатной квартире. Детей нет, внуков нет... Из родни только брат и остался. Она квартиру эту хотела завещать его младшей дочери, Варваре. Ну а что? Славка с углом, у нас с Анжелкой тоже своё жильё, а мелкая у Софьи жила. Здесь-то дыра несусветная, а Варьке учиться надо было, вот и обреталась у тётки.

– А с матерью ей не жилось?

– Так мать померла давно. Ты не в курсе что-ли?

– Да я сюда как-то не за чужой биографией ехала, – огрызнулась Вероника. – Не уверена, что мне вообще все вот эти подробности нужны.

– Ну не нужны, так я не буду рассказывать. Делов-то.

– Да уж начал, продолжай теперь. Мне теперь любопытно.

– Ну так вот... На чём я остановился? А, ну да. Мы с Анжелкой сейчас живём в трёхкомнатной квартире, где девчонки с матерью жили. А я ж студент приезжий, в общежитии кантовался, а потом на Анжелке женился и к ним переехал. Варька в меня влюбилась, начала с сестрой цапаться, вот мать её к тётке Софье и отправила. А потом у матери инфаркт случился, ну и... В общем, жили тётка с племянницей душа в душу и договорились, что после смерти тётка квартиру Варваре оставит. А квартирка ничего так, только обшарпанная. Я как бизнес этот организовать решил, так первым делом Софье и предложил – сделаем из её однушки студию и продадим подороже. У неё-то квартирка в центре была, район престижный. Буквально через пару улиц уже цены намного ниже на жильё были. Можно было их переселить, а разница Варьке на учёбу пошла бы. У студентов-то жизнь не особо сладкая, по себе знаю. Мне один интерес в этом был – практика, опыт. Начинать-то с чего-то надо. А тогда по телевизору как раз про чёрных риэлторов этих чуть ли не каждый день распинались, народ предупреждали. Ну вот старушка насмотрелась этого всего и заподозрила меня чёрт знает в чём. Даже заявление на меня написала, объясняться пришлось перед органами. Ну и теперь поэтому вся Анжелкина родня меня бандитом считает. Даже если нимб вокруг головы вырастет, всё равно скажут, что спёр где-то.

– А чего ты так судьбой Варвары-то озабочился тогда?

Небось, глаз на неё положил? – усмехнулась Вероника.

– Я б тебе сказал, чего я на неё положил. Знаешь, сколько она мне крови выпила? Мы чуть не развелись из-за неё.

– Ну вот и держался бы подальше, в других местах опыта набирался бы.

– Так я ж как лучше хотел, а получилось как всегда.

– Благими намерениями...

– Точно. Ник, пойдём на пруд, а? Тут километра три, недалеко.

– Ой, нет. У нас на сегодня очередной сеанс запланирован. Дед Егор мне голову чинить будет, – соврала девушка, которую и так коробило от необходимости оставаться наедине с Глебом.

– А, ну ладно, я тогда сам пойду, – спокойно отреагировал на отказ мужчина. – Не буду мешать вашим магическим ритуалам.

– Ты в это не веришь, да?

– Ну как... Вот если б он Миланку вылечил, тогда б я поверил, а так...

– А что с ней?

– Она глухонемая. Зато красавица, – улыбнулся Глеб, вставая из-за стола. – Ладно, пухни тут дальше на жаре в ожидании чудесного исцеления, а я пошёл купаться. К обеду не ждите.

Вероника проводила его задумчивым взглядом. Чужая душа – потёмки, тут и не возразишь даже. Вот как понять,

хороший человек или плохой, если он вчера вёл себя, как свинья, а сегодня ни разу даже повода не дал разозлиться? И как воспринимать эту исповедь насчёт квартиры покойной сестры деда Егора? Создавалось впечатление, будто Глеб жаловался ей на несправедливое к себе отношение, потому что больше некому было излить накопившуюся обиду. Ему никто не верил. Но если так, то почему должна поверить она? С другой стороны, его жена Анжела верит ведь... Чёрт ногу ломит!

Следующий час Вероника посвятила своим собственным семейным проблемам. Она настойчиво названивала матери до тех пор, пока сигнал вызова с её телефона не пробились через нескончаемую череду коротких гудков. Первым делом пришлось выслушать несправедливые обвинения в том, что она уехала на другой конец страны и не звонит, хотя знает, как сильно мать за неё волнуется.

– Мам, зайди на сайт оператора и подключи уже услугу, которая будет оповещать тебя о том, что тебе звонили, пока ты болтала с кем-то ещё, – спокойно порекомендовала Вероника в ответ на поток безосновательных упрёков. – Я звонила тебе вчера утром несколько раз, потом днём, два раза вечером и сейчас пятнадцать минут непрерывно трезвонила, пока дождалась ответа. Не надо перекладывать на меня свою вину, ладно? Как ты себя чувствуешь?

Пропустив мимо ушей традиционную порцию жалоб на некомпетентность докторов и несостоятельность современ-

ной медицины, девушка наконец-то услышала вопрос о том, как обстоят дела у неё самой, убедила мать, что всё просто замечательно, и собиралась уже завершить диалог привычным «Ладно, мам, пока. Я тебе потом ещё перезвоню», но из трубки неожиданно раздалось:

– Ой, чуть не забыла сказать... У тебя же есть телефон этого следователя... Чихарин... Чухарин...

– Чекарин. Есть, да. А что случилось?

– Позвони ему. Там Сергей твой воду мутит опять. Я так и не поняла, написал он заявление или нет, но он тебя обвиняет в пропаже Каринки. Мол, ты всё подстроила, чтобы компенсацию по страховке побольше получить.

– Мам, мы через это проходили уже, – тяжело вздохнула Вероника. – С меня сняты все подозрения. Чего ему опять неймётся?

– Да денег он хочет, Никуль, понятно же. Ты поговори со следователем, его очень интересует, куда и зачем ты уехала.

– Ма, у Чекарина есть мой номер. Если бы у него были вопросы, он бы позвонил мне. Кто тебе сказал всё это?

– Да Сергей и сказал. Приезжал тут с толпой юристов и журналистов, шумел...

– Когда?

– В тот день, как ты уехала, к вечеру ближе.

– И ты только сейчас мне об этом говоришь?

– Ну так до тебя же дозвониться невозможно!

– Ясно. Спасибо, мам. Не болей там, я тебе перезвоню

ещё.

Вероника нажала кнопку завершения вызова, сгребла с кровати подушку, уткнулась в неё лицом и заорала так, что аж в ушах прострелило. Выпустив таким образом пар, она позвонила следователю, который сообщил, что ничего об обвинениях в её адрес со стороны мужа не знает. Но на всякий случай он всё же записал адрес, по которому она находится – мало ли, вдруг пригодится. Цель поездки его интересовала не слишком, поэтому пространной фразой «поехала к местному знахарю восстанавливать нервную систему» служитель закона вполне удовлетворился.

Следующим на очереди был бывший муж. Вероника позволила ему сказать только «Алло...», после чего обрушила на голову некогда любимого человека такую волну негодования, от которой самой стало дурно.

– Фадеев, если ты не угомонишься, я сама на тебя в суд подам за клевету, понял? – закончила она монолог и швырнула телефон в стену с такой силой, что аппарат разлетелся на запчасти.

– До ботинок не дотянулась? – спокойно осведомился дед Егор, разглядывая разбросанные по полу обломки. – Они покрепче. И подешевле.

Он поставил на лавку под окном корзинку с какими-то грибами, вымыл руки и сел рядом с девушкой, которую трясло от злости так, что она даже ответить на это шутовское замечание не решилась – побоялась обидеть старика ненаро-

КОМ.

– Что стряслось-то?

– М-м-м-м... – помотала головой Вероника и сбежала в ванную, где сунула голову под холодную воду, чтобы остыть.

Чем дальше, тем больше она понимала, что совершенно не знает своего собственного мужа. Он никогда таким не был. Добрый, заботливый, нежный, любящий... Складывалось впечатление, что произошедшая трагедия вывернула его наизнанку. Будь он двуличным, Вероника знала бы об этом, потому что провела рядом почти пять лет и видела в его снах такие вещи, о которых никто и никому не рассказывает никогда. А он рассказывал. Куда делся тот, нормальный Сергей? Чего этот, новый, подлый, от неё хочет? Денег? Да он за полгода зарабатывает больше, чем она по страховке получила! Чего ему надо? Почему не оставит её в покое? Зачем все эти обвинения и травля?

От холодных струй началась головная боль, но душевное равновесие так и не восстановилось. Отжав волосы, Вероника перекинула мокрые пряди на спину и на негнущихся ногах вышла из ванны.

– У вас есть что-нибудь успокоительное?

– На вот, – дед Егор подхватил с пола кошку и сунул ласковое животное в трясущиеся руки девушки.

– Издеваетесь? – Вероника отпустила Муську обратно и буквально рухнула на стул, чувствуя себя безмерно уставшей. – Глеб на речку ушёл.

– Знаю, я встретил его. Помощничек... Второй день уж тут, а помощи что-то не видать...

– За что вы его так не любите?

– А за что его любить? Я от него добра никогда не видел, неприятности одни только. Что? Жаловался на меня?

– Нет. Знаете, я не хочу разбираться, у кого в вашей семье откуда ноги и руки растут.

– А зачем тогда спрашиваешь?

– Потому что вы рычите друг на друга, как два пса, а меня это раздражает. Не знаю, что вы там не поделили, но я такими темпами скоро сбегу отсюда. А от головной боли есть таблетки?

– Не держу я в доме ничего такого. Чабрец с душицей заварить могу. Будешь?

– А сами снять боль можете?

Старик сощурился и пристально всмотрелся в лицо Вероники, будто пытаясь заглянуть дальше, глубже, в самую черепную коробку.

– Нет, не могу, – покачал он головой.

– Почему?

– Она болит не от болезни, а от нервов. Перестанешь психовать, тогда и пройдет всё. Так заваривать чай или нет?

– Чай так чай...

Девушка сложила руки на столе и уронила на них голову. Не то, чтобы сильно болело... Раздражало очень. Так с ней всегда случалось после сильного приступа злости, а разозли-

лась она сегодня знатно. Давно такой всепоглощающей ярости не испытывала.

– Бывший муж трезвонит, что я спрятала дочь, чтобы получить страховку, – поделилась она вслух своими переживаниями.

– И четыре года сходишь с ума, изображая, что хочешь её найти. Он у тебя совсем дурной что-ли? – осведомился дед Егор, ставя на стол накрытую блюдечком кружку. – Погоди минут пять, пусть заварится.

– Егор Акимович, что вы ночью видели? Ну, когда я...

– А ты уверена, что в состоянии сейчас слушать и воспринимать то, что тебе говорят?

Вероника подняла на него усталый взгляд и вяло кивнула. Ей нужно было отвлечься от мрачных мыслей и жалости к самой себе, и смена темы сейчас пришлась бы весьма кстати.

– Хотите, я сначала расскажу, что я видела?

– Я с утра соврал Глебу, что он стонал во сне. Он рассказал, что ему снилось, будто он убегает от кого-то по ночному городу. Сначала просто по улицам бегал, а потом оттолкнулся и по воздуху побежал. И всё переживал во сне, что за провода зацепится, и его током шандарахнет. Ты свинушки ешь?

– Я всё ем, – отмахнулась Вероника, не желая заострять внимание на своих гастрономических пристрастиях. – Глеб видел то, что его подсознание сформировало из переживаний и воспоминаний. По поводу снов много всего пишут, но

я это понимаю именно так. Есть причины и следствие. Сны, как их все видят – это следствие, а я вижу причины. Чужие и против своей воли. Сейчас я опять начну жаловаться на то, как мне это осточертело...

– Ну так не жалуйся, а рассказывай, чего увидела, – дед Егор высыпал грибы в таз, залил водой и вооружился ножом, чтобы почистить склизкие шляпки и покромсать их на кусочки.

– Да обрывки, как и всегда, – вздохнула девушка. – Сначала алкаш какой-то, который говорит, что менты уже ушли, и можно валить. Потом я проснулась, потому что поняла, что сплю. Я всегда просыпаюсь, когда во сне понимаю, что это сон. Потом я снова уснула... Парк аттракционов, колесо обозрения, девушка высокая с мелкими такими чёрными кудряшками и родинкой возле носа...

– Это Анжелка, – кивнул дед Егор.

– Экзамен по математике в школе, зелёный мячик с синей и белой полосками, цветочная лавка... – продолжала Вероника, загибая пальцы. – Потом кот полосатый, в которого мальчишки из рогатки по очереди стреляли. Ребёнок маленький в кроватке детской, а рядом мишка плюшевый. Розовый. Потом сломанная удочка и фраза «Блин, Виталя, батя меня теперь убьёт...» Документы какие-то, подписи... Лошадь с цветами и лентами в гриве. Метро... У вас в городе же нет метро?

– Нет. Глеб в командировки часто ездит, особенно в

Москву. Анжела говорила, что по столичным сделкам прибыль выше, поэтому она не против, что он бросает её с детьми и пропадает неделями чёрт знает где. Да уж, каша у него в голове будь здоров...

– Это не только у него. Все сны такие. Я ещё никогда не видела, чтобы сон целиком одним воспоминанием был продиктован, там всегда каша.

– И ничего интересного...

– Кроме первого вот этого алкаша. Не знаю почему, но мне кажется, что причина где-то там. Слишком уж яркие ощущения были.

– Значит, надо попробовать двигаться в этом направлении.

– Как? – у Вероники глаза полезли на лоб. – Я не могу это контролировать. Я просто зритель, который видит то, что ему показывают.

– Ты говорила, что чувствуешь то же самое, что человек испытывал во время того, что он вспоминает.

– И что?

– А то, что ты в этот момент не зритель, а персонаж. Ну или вроде того. А если ты персонаж, то как-то можешь повлиять на то, что видишь.

– Как? Говорю же – я сразу просыпаюсь, если понимаю, что вижу сон.

– Значит, надо научиться не просыпаться. Ты же хотела понять, как закрыть для себя доступ к чужим снам, вот и тре-

нируйся, разбирайся, пока у тебя подопытный кролик есть.

– Пф-ф-ф... Легко сказать... А вы что видели?

– Я? – дед Егор вытер руки о штаны и потрогал кружку с травяным настоем. – Пей, заварилось уже. Я видел почти всё то же самое, что и до этого, но поинтереснее. Ты заснула, полезли щупальца... Одно дотянулось до головы Глеба, трогало, искало... А потом по одному этому щупальцу искорки пошли мелкие красненькие. Как искорки до тьмы твоей добрались, так все остальные щупальца к Глебу и устремились. А потом замерли и назад потянулись. Все до единого. И через какое-то время всё повторилось – сначала одно, а потом все остальные.

– Щупальце-разведчик подаёт сигнал остальным, сообщая, где лежат вкусняшки... Фильм ужасов снимать можно, – вздохнула Вероника, чувствуя, что голова снова начинает зверски чесаться. – И что? Они потом все искрятся?

– Ага. И тьма тоже искрится.

– Жуть... Я так параноиком стану, надо с этим завязывать побыстрее.

– Я вот сейчас сложил одно с другим, и думаю, что каждое из этих щупалец передаёт твоей тьме одно воспоминание. Их много, потому и картинок много. И обрывками все, потому что перебирает тьма, ищет что-то. Видит ненужное, отбрасывает его и за следующее берётся.

– А когда вокруг много людей, она ко всем в голову лезет что-то искать. И как с этим бороться, непонятно.

– Зачем бороться-то? – удивился дед Егор. – Ты лучше придумай, как её приручить. Ведь если бы ты не проснулась, а другие корявки потом не полезли к Глебу всем скопом, ты могла бы первое, что видела, полностью посмотреть, а не отрывок коротенький. Может же такое быть?

– Я уже подозреваю, что и инопланетяне могут быть, так что вы лучше мне такие вопросы не задавайте.

– Ну вот смотри. Нашло щупальце воспоминание чужое и начало его передавать тьме. Тебе то есть. Так?

– Угу.

– А потом другие тоже нашли и начали передавать. Так?

– Угу.

– Вывод?

– Я сошла с ума.

– Это успеется, сейчас других дел полно.

– И каких же?

– Во-первых, тебе нужно научиться не просыпаться, а оставаться во сне, даже если ты понимаешь, что это сон. Во-вторых, надо выбирать из всех картинок, какие видишь, нужную, а остальные щупальцы отзывать, чтобы они не мешались. В третьих...

– Может, для начала уже достаточно и первых двух пунктов? Учитывая, что я понятия не имею, как к этому вообще подступиться. Вы сами-то спали сегодня хоть немного?

– Подремал часок в баньке с утра, – дед Егор бросил на Веронику короткий виноватый взгляд. – Не смог в доме спать.

Пока не видел, как это в голову к Глебу лезет, ещё куда ни шло, а как увидал... Не обижайся только.

– Да ладно, чего уж там, – махнула рукой Вероника. – Мне и с ваших-то слов мерзко, а видеть такое... Что делать-то дальше?

Старик задумался, а девушка даже думать об этом не хотела. Её дар с каждым днём обрастал всё большим количеством отвратительных подробностей, и это пугало. Хотелось уехать, вернуться домой, забыть об этом и больше никогда не соваться ни к кому из «знающих» и «видящих». Пока Вероника не знала, как это всё работает, ей было намного проще мириться со своей уникальностью, а теперь некрасивое слово «уродство» снова возвращалось в её мнение о себе.

– В следующий раз, когда во сне поймёшь, что спишь, попробуй остаться там, – предложил дед Егор, который тоже понятия не имел, с чем имеет дело, но хотел чему-то научить свою гостью из корыстных соображений. Ему нужна была информация о причинах, побудивших зятя приехать. Вероника хотела спать без чужих воспоминаний. Они могли помочь друг другу, и только поэтому девушка до сих пор не собрала свою сумку и не умчалась в город покупать билет на ближайший поезд.

– Я попробую, – пообещала она не слишком уверенно и отодвинула чашку с ароматным настоем на середину стола. – Спасибо, но это не пригодится. Голова уже не болит.

Глава 9

Утро следующего дня началось с перебранки между дедом Егором и Глебом. Вникать в причины Вероника не стала, потому что не выспалась и чувствовала себя совершенно разбитой. Пожелав мужчинам доброго утра, она закрылась в ванной, где провела весь следующий час, нежась в горячей воде и убеждая себя в том, что всё хорошо.

Накануне она долго и методично раздражала Глеба болтовнёй на тему недвижимости – почему-то девушка была уверена, что причина его приезда как-то связана с работой. Сначала мужчина реагировал спокойно, шутил, рассказывал забавные истории, но потом устал говорить об одном и том же и попытался перевести разговор на что-нибудь другое. В итоге он вообще сбежал из дома в неизвестном направлении, потому что Вероника продолжала гнуть своё, и вернулся только затемно. В принципе, её такой расклад вполне устраивал – ну не нравился ей этот человек, хоть тресни.

Дед Егор весь вечер бубнил о том, что ей надо научиться не просыпаться. Строил теории, как это можно сделать, давал советы, но у неё так ничего и не получилось. Пока Глеб, ни о чём не подозревая, мирно посапывал в соседней комнате, девушка упорно пыталась хоть ненадолго задержаться в его голове. Дудки – она просыпалась всякий раз, когда понимала, что спит. И так всю ночь. Чем больше она думала о

том, что просыпаться нельзя, тем чаще просыпалась. К утру её буквально трясло от злости и усталости, а толку от всех усилий было ровно ноль.

Вдобавок дед Егор тоже заснул, причём почти сразу, хотя собирался наблюдать за процессом щупальцевых поползновений. Вероника не разбирала, чьи сны видит, и, запутавшись, начала цепляться за обрывки собственных воспоминаний, как за спасательный круг.

Она не выспалась, смертельно устала и хотела только одного – покоя. Хотя бы на несколько часов. Увы, мужики повставали ни свет ни заря и тут же начали ссориться. Краем уха девушка уловила что-то про поездку в город, но заострять внимание на этом не стала – их семейные дразги вообще никак её не касались. Она осталась не для того, чтобы вступать в чужие разборки, а затем, чтобы научиться как-то справляться с безобразием в собственной голове.

Выйдя из ванны немного успокоившейся и расслабившейся, Вероника обнаружила Глеба сидящим за столом и разбирающим на запчасти старый телевизор, выпуклый экран которого был покрыт толстым слоем пыли.

– А где дед Егор?

– Уехал в город, – отозвался Глеб, вытаскивая из недр телевизора очередную деталь. – Сказал, что ему в поликлинику надо, но я думаю, что он к Анжелке рванул выяснять, зачем она меня сюда сбагрила.

– Почему ты так думаешь?

– Потому что с двумя вёдрами яблок в поликлинику не ходят. Подай отвёртку, пожалуйста.

– Блин. Надо было с ним поехать, – расстроилась девушка.

– Моё общество тебя чем-то напрягает? – усмехнулся Глеб.

– Твоё общество не продаст мне новый телефон.

– Так твой работает. Экран только нужно будет заменить, он плохо фурычит. С моего позвони, если надо. Хочешь, можешь даже симку свою в него переставить, там есть свободный слот.

– Спасибо, – поблагодарила Вероника, наливая себе чай. – А ты этот раритет починить что-ли пытаешься?

– Хотел, да, но это бесполезно по-моему. Ты чего с утра хмурая такая?

– Да так... Спала плохо. Только засну, начинаю видеть сон, понимаю, что сплю и от этого просыпаюсь. И так всю ночь.

– Бывает, – кивнул Глеб. – Я в таких случаях просто не сплю.

– В смысле?

– Да в прямом. Иногда бывает, что думаю о чём-то много, а потом или заснуть не могу, или просыпаюсь постоянно. Или состояние такое пограничное между сном и явью, что всё в одну кучу смешивается. Организм устаёт, а мозг всё равно продолжает активно работать, вот и не получается поспать нормально. И не отдохнёшь, и время зря потра-

тишь, так что я просто встаю и смотрю телек, пока не срубит. Ну или за ноут сажусь и работаю, пока глаза сами слипаться не начнут. Так что лучший способ не просыпаться каждые пять минут – это не спать. Так через полчаса-час точно вырубись. Попробуй, помогает.

С точки зрения нормального человека совет казался дельным, но у Вероники-то проблемы со сном совсем другого характера были. Не объяснять же подопытному кролику, что ей на самом деле нужно. С другой стороны, идея была очень интересной. Ведь и правда – просыпаются те, кто спит. А если не спать, то и проснуться невозможно. Вот только как в таком случае проникнуть в чужой сон, если для этого самой нужно заснуть? Или не нужно? Существуют же всякие там трансы и медитации...

Вероника поставила чашку с чаем на стол, закрыла глаза и попыталась представить, как из её головы выползают щупальца и тянутся к голове Глеба.

– Эй, с тобой всё нормально? – отвлёк её вопрос подопытного кролика.

М-да... Вот поэтому однозначно нужно, чтобы кролик спал, даже если ей самой спать не обязательно.

– Засыпаю на ходу, – соврала Вероника, открыв глаза. – Пойду прилягу, потом обедом займусь.

– Акимыч велел доесть то, что в холодильнике, так что не парься насчёт обеда. Картохи нажарим, если что.

Она думала, что не сможет заснуть, зная, что находится

в доме наедине с мужчиной, не так давно проявлявшим к ней недвусмысленный интерес, но провалилась в сон, едва коснувшись головой подушки. Видимо, мозг в этот раз был полностью согласен с организмом насчёт необходимости отдыха.

Ей снилась Каришка. Маленькое голубоглазое чудо весело смеялось и ловило мыльные пузыри. А потом снова – ночь, мокрое от дождя стекло, спящая на руках дочка, визг тормозов, испуганный крик...

– Ника... Эй... – кто-то дёргал её за плечо, а она продолжала кричать, пока не увидела прямо перед собой взволнованное лицо Глеба. – Ты чего? Кошмар приснился?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.